

А. Алексеев

Н. К. БОШНЯК
и
ОТКРЫТИЕ
СОВЕТСКОЙ
ГАВАНИ

А. Алексеев

Н. К. БОШНЯК

И

**ОТКРЫТИЕ
СОВЕТСКОЙ
ГАВАНИ**

Исторический очерк

ХАБАРОВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1955

Содержание

Введение	5
До Амура	13
Первая встреча	16
На Сахалин	21
Вверх по Амуру	30
Жизнь в Николаевске	37
По Амгуни	43
Занятие залива Де-Кастри	49
Открытие Императорской Гавани	56
Установление постов на Сахалине	68
Начало зимовки	79
Зимовка	87
Фрегат «Паллада»	105
Прощай, Амур!	117
Отставка	124

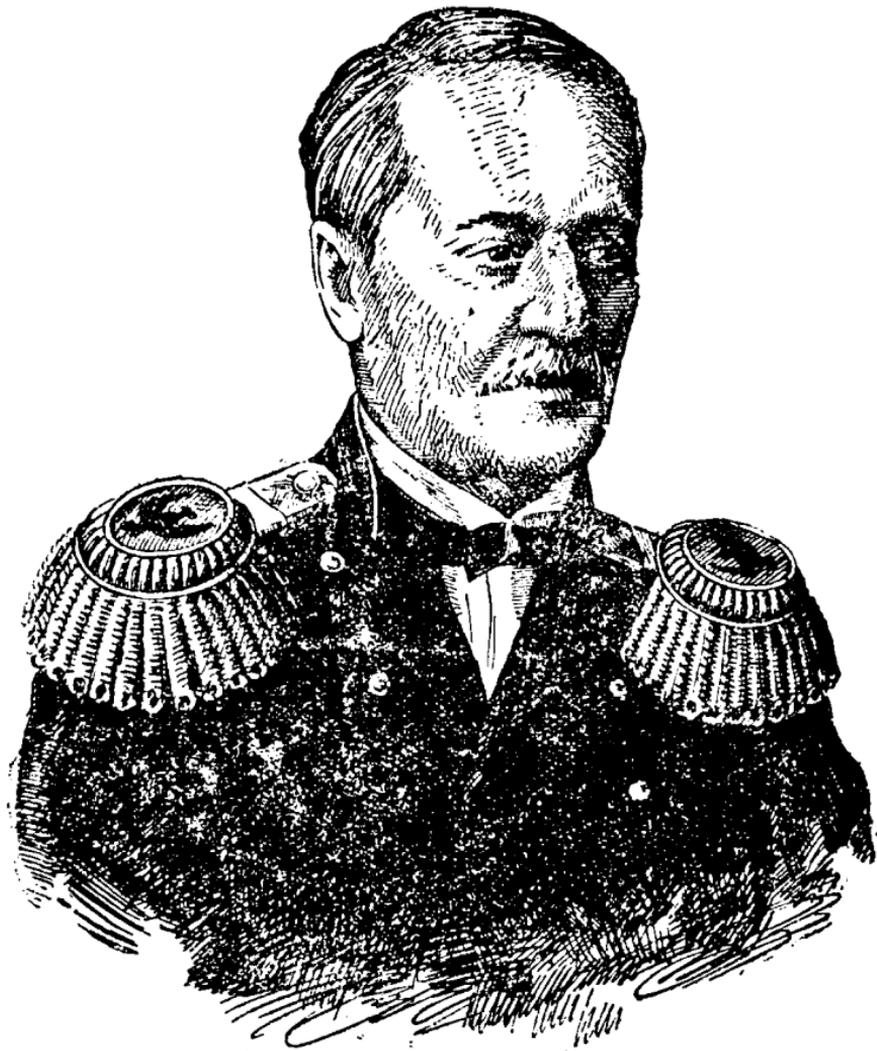
Александр Иванович Алексеев. Н. К. Бошняк и открытие Советской Гавани.

Редактор Н. Д. Наволочкин. Художник В. И. Вананов. Технический редактор М. Д. Кайдалова. Корректор П. К. Мельницина.

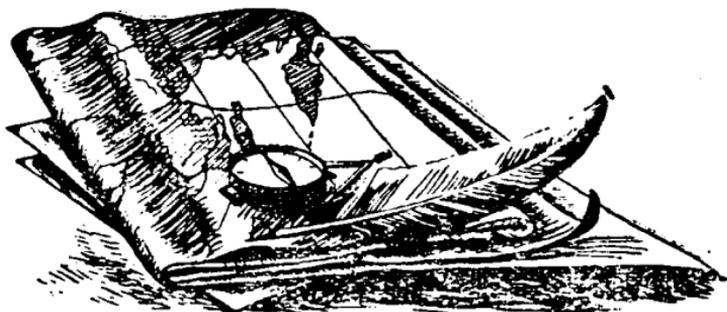
Сдано в набор 24/1-55 г. Подписано к печати 7/V-55 г.
Бумага $70 \times 108/32 = 2,25$ б. л., 6,14 п. л. + 1 вкл. $1/16$ д. л., 6,34 уч.-изд. л.
Тираж 10 000 экз. ВЛ 05048.

Хабаровское книжное издательство, г. Хабаровск, ул. Ким Ю-чена, 9.
Заказ № 306. Типография № 5 Госстатиздата, г. Хабаровск, ул. Л. Толстого, 3.

Цена 2 р. 45 к. (Номинал по преysкуранту 1952 г.).

Николай Константинович Бошняк

Введение

В XIX веке огромную работу по исследованию и освоению Дальнего Востока проделала Амурская экспедиция, руководимая Геннадием Ивановичем Невельским.

Первое плавание Г. И. Невельского в 1848—1849 годах на военном транспорте «Байкал» и последовавшая вслед за этим Амурская экспедиция сыграли огромную роль в укреплении положения России как великой тихоокеанской державы.

После так называемой первой опиумной войны между Англией и Китаем, окончившейся в 1842 году тем, что Китаю был навязан грабительский неравноправный договор, создавалась угроза захвата иностранными державами, и в первую очередь Англией, богатейшего Приамурского края, искони являющегося русским.

Пользуясь открытыми для плавания иностранцев китайскими портами, английские, американские и французские корабли все чаще и чаще появлялись у русских берегов, совершая грабительские набеги на местное насе-

ление, чиня произвол и незаконие. Чтобы иметь возможность защищать восточные рубежи России, необходимо было уточнить границу с Китаем. Помимо этого, требовалось выяснить судоходно ли устье Амура для морских судов, так как только Амур мог дать единственно удобный путь для связи центральных областей Сибири с побережьем Тихого океана, с русскими владениями в Северной Америке и Камчаткой. Несмотря на показания русских землепроходцев, относящиеся еще к XVII веку, в правительственных кругах России вопрос о судоходности нижнего Амура считался неясным.

Еще в 1785 году французское правительство организовало экспедицию на Тихий океан под начальством Лаперуза. Экспедиция, дойдя до южной оконечности Сахалина и пройдя проливом, названным впоследствии именем Лаперуза, предприняла попытку найти вход в реку Амур с юга. Продвигаясь вдоль берега, Лаперуз достиг бухты, названной им заливом Де-Кастри.*

Сближение берегов материка и Сахалина на горизонте и уменьшающиеся глубины показали путешественнику убедительным доказательством того, что Сахалин является полуостровом и что вход в Амур с юга невозможен.

В 1793 году другой мореплаватель англичанин Браутон повторил попытку Лаперуза, но она также не дала никаких результатов, хотя Браутону удалось продвинуться на север несколько дальше, чем его предшественнику.

Иван Федорович Крузенштерн, совершавший в 1803—1806 годах первое русское кругосветное путешествие, описал восточное побережье Сахалина. Обогнув остров с севера, мореплаватель достиг опресненной воды и правильно предположил, что неподалеку находится устье Амура, — однако, обманутый большим количеством ме-

* Теперь залив Чихачева.

лей, Крузенштерн считал, что южнее их находится перешеек, соединяющий Сахалин с материком.

После плаваний таких знаменитых путешественников в официальных кругах России прочно укрепилось мнение, что Сахалин является полуостровом и что река Амур недоступна для входа морских судов как с юга, так и с севера. Для того чтобы окончательно решить этот вопрос, русское правительство поручило Российско-Американской компании произвести необходимые исследования. В 1846 году в лиман реки Амур был послан бриг «Константин» под начальством поручика корпуса флотских штурманов Гаврилова. Гаврилов, с большим трудом идя с севера, дошел до первых мелей и, как ему предписывалось, чтобы не рисковать судном, стал на якорь. Дальнейшие исследования он продолжал на шлюпках. Однако из-за недостатка времени он не смог выполнить данное ему поручение и отплыл в Аян. В своем рапорте Гаврилов писал, что из его наблюдений нельзя делать выводов о том, насколько доступно устье Амура с моря. Несмотря на это, для министров царского правительства, таких как тогдашний канцлер Нессельроде, этого оказалось вполне достаточно, чтобы запретить дальнейшие попытки исследования Амура.

Царь Николай I на докладе о результатах плавания написал: «Весьма сожалею. Вопрос об Амуре, как о реке бесполезной, оставить».

Трудно представить, что в подобной обстановке можно было отважиться на поистине героический шаг самостоятельно, вопреки запрещению царских инструкций и безусловному мнению таких авторитетов, как Лаперуз, Браунтон и Крузенштерн, — предпринять еще одну попытку найти вход в Амур для морских судов и разрешить вопрос о Сахалине. За осуществление этой задачи взялся Г. И. Невельской.

Прекрасно образованный моряк, капитан-лейтенант

Геннадий Иванович Невельской, перед которым были открыты двери придворной службы, добровольно отказался от нее. Хорошо разбираясь в международном положении, он понимал важное значение закрепления Приамурья за Россией.

Невельской внимательно следил за событиями на крайнем востоке Сибири, добросовестно изучал отчеты всех экспедиций, побывавших у Сахалина, и пришел к твердому заключению, что такая многоводная река, как Амур, не может теряться в песках, а должна иметь выход в море. Невельской сознавал, что мало притти к такому убеждению, его необходимо доказать. Он добывается назначения на военный транспорт «Байкал», отправляющийся с грузом на Камчатку, заранее мечтая осуществить на нем экспедицию к берегам Сахалина и Амуру.

Перед плаванием Невельской развивает кипучую деятельность для того, чтобы выиграть время и прибыть в Петропавловск-на-Камчатке ранней весной и использовать все лето для задуманного исследования.

Осенью 1848 года транспорт «Байкал» вышел из Кронштадта. Невельской сокращает стоянки в портах и в небывало короткий срок в мае 1849 года прибывает на Камчатку. В Петропавловске он получает секретное предписание генерал-губернатора Восточной Сибири Николая Николаевича Муравьева, много сделавшего для успешного хода экспедиции, — и вместе с предписанием копию с инструкции, представленной Муравьевым на утверждение царя, — по которой Невельскому разрешалось после сдачи груза следовать к северной части Сахалина, определить подходы и вход в Амур, обследовать устье реки и разрешить вопрос о Сахалине.

Не ожидая, когда будет прислана утвержденная царем инструкция, на свой риск и страх, заручившись поддержкой сопровождавших его офицеров, Невельской в конце мая направился к восточному берегу Сахалина.

Придя в район Амурского лимана, Невельской и его спутники на шлюпках настойчиво исследовали его вдоль сахалинского и материкового берега.

10 июля участники экспедиции на трех шлюпках отправились с транспорта вдоль материкового берега. На следующий день, обогнув мыс Табах (северный мыс в устье реки Амур), шлюпки вошли в Амур и, продолжая движение вверх по реке вдоль левого берега, к вечеру того же дня достигли полуострова Куегда. 13 июля, перейдя к противоположному берегу, Невельской двинулся вниз по реке к мысу Пронге (южный входной мыс в устье реки Амур), откуда 15 июля шлюпки направились к югу по лиману Амура. Наконец «22 июля 1849 года достигли того места, где материковый берег сближается с противоположным ему сахалинским, — вспоминает Невельской. — Здесь-то, между скалистыми мысами на материке, названными мной в честь Лазарева и Муравьева, и низменным мысом Погоби на Сахалине, вместо найденного Крузенштерном, Лаперузом, Браутоном и в 1846 году Гавриловым низменного перешейка, мы открыли пролив шириною в 4 мили и с наименьшею глубиной 5 сажень»*.

Пройдя далее до той широты, до которой с юга доходили Лаперуз и Браутоны, экспедиция повернула обратно и, измеряя все время глубины вдоль сахалинского берега, 1 августа 1849 года вернулась на «Байкал».

Так Невельскому удалось установить, что вход морских судов как с юга, так и с севера в реку Амур возможен, а Сахалин является островом.

До того неожиданны были открытия Невельского для сложившегося официального мнения, что в Петербурге сообщению его не поверили, и Невельскому при-

* Г. И. Невельской, Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России, Географиздат, 1947, стр. 101.

шлось выдержать серьезную борьбу, чтобы доказать истину.

Последовавший в феврале 1850 года указ на имя генерал-губернатора разрешал дальнейшее исследование юго-западного побережья Охотского моря и организацию зимовья где-либо на этом берегу, в котором можно было бы производить расторжку с гиляками.* Для Невельского этот указ давал практическую возможность заниматься дальнейшим исследованием Амура и его лимана.

В июне того же года Невельской прибыл на берег Охотского моря в залив Счастья, где 29 июня было заложено зимовье, названное Петровским.

В дальнейшем, вопреки запрещению особого комитета, Невельской снова принялся за детальное обследование устья и лимана великой реки. Он рассчитывал основать здесь военный пост и порт, так как Петровское по своему географическому положению не подходило для этого.

В июле Невельской был на Амуре, по которому поднялся вверх до мыса Тыр, против устья реки Амгунь. Спустившись оттуда до мыса Куегда, Невельской 1 августа 1850 года поднял там русский военно-морской флаг, положив тем самым начало основанию первого военного поста на Амуре — Николаевского поста. Сейчас это областной центр Нижне-Амурской области город Николаевск-на-Амуре — один из крупнейших городов Приамурья.

Жители города чтут память его основателя, замечательного русского моряка и патриота Геннадия Ивановича Невельского. В парке на берегу Амура высится памятник-обелиск основателю города, а внизу недалеко от

* Гиляки — старое название нивхов, населяющих низовье Амура и северный Сахалин.

места, где когда-то Невельским был поднят русский военно-морской флаг, как раз напротив порта, Невельскому поставлен памятник.

Прибыв в Петербург с отчетом о своих действиях, Невельской снова выдержал настоящую борьбу в особом комитете с Нессельроде и только заступничество на этот раз самого царя, заявившего, что «где раз поднят русский флаг, он уже спускаться не должен», — спасло Невельского от разжалования. Особый комитет собрался вновь, и результатом его работы явилось утвержденное 12 февраля 1851 года постановление об учреждении специальной Амурской экспедиции под начальством к тому времени уже капитана первого ранга Невельского.

Средства, отпущенные на осуществление и содержание Амурской экспедиции, были настолько ничтожны (17 000 рублей в год), что можно только восхищаться беспримерным мужеством и героизмом ее участников, осуществивших и на эти средства огромную по своим масштабам работу.

Амурская экспедиция за время своего существования с 1851 по 1855 годы проделала исключительную по своим результатам работу. Благодаря самоотверженности помощников Невельского: Бошняка, Разградского, Орлова, Чихачева, Березина, Рудановского и других, экспедиции удалось нанести на карту весь лиман Амура, описать побережье Сахалина и открыть на нем залежи каменного угля, описать и определить положение залива Де-Кастри, Императорской Гавани (теперь залив Советская Гавань). Амурская экспедиция основала несколько военных постов на Сахалине, в заливе Де-Кастри, на озере Кизи и в Императорской Гавани.

Трудно переоценить значение Амурской экспедиции. Ей наша Родина обязана окончательным укреплением на берегах обширного Приамурского края, так как только своевременное исследование Амурского лимана и Татар-

ского пролива помогло камчатской эскадре и гарнизону Петропавловска, отбившим первое нападение англо-французов во время восточной войны 1854—1855 годов, укрыться от неприятеля в Амурском лимане. Иностранные корабли, блокируя низовье Амура, тем самым фактически признавали его владением России.

Вместе с другими участниками Амурской экспедиции большие заслуги перед Родиной имеет лейтенант Николай Константинович Бошняк, открывший Императорскую Гавань и каждым своим новым походом вносящий немалый вклад в дело освоения Дальнего Востока.

Настоящая книга, не претендуя на полноту сведений о Бошняке, имеет своей целью показать его деятельность в Амурской экспедиции.

До Амура

Никто в «сухопутной» семье Бошняков никогда не думал, что представителю их фамилии придется быть открывателем новых земель и служить на далеком Амуре. Это была обедневшая дворянская семья. Род Бошняков древний. Военная служба была его традицией. Прадед, дед и отец Николая Константиновича участвовали во многих походах и сражениях.

3 (15) сентября 1830 года в селе Ушаково Костромской губернии родился будущий сподвижник и верный помощник адмирала Невельского Николай Константинович Бошняк.

Семья была многочисленной. В то время, когда Николаю исполнилось 10 лет, у него было три сестры и четыре брата. Самому старшему из них, Александру, было всего 12 лет.

Глава семьи Константин Карлович Бошняк, отставной майор и кавалер, уволившись со службы после несколь-

ких ранений, главное внимание уделял пришедшему в упадок имению. Жена его Екатерина Дмитриевна делала все, чтобы, несмотря на недостатки в средствах, дать детям начальное домашнее образование.

Маленький Коля очень рано выучился грамоте и без разбору читал все, что попадалось на глаза. Радостными событиями для него были редкие поездки с отцом в древний русский город Кострому или Нерехту.

Заслушивался Коля рассказами своего отца о завоевателе Сибири Ермаке, о вольных походах по матушке-Волге Степана Разина. В рассказах отца и других родственников об Отечественной войне 1812 года, в которой участвовали Бошняки, мальчик находил прекрасные примеры смелости, мужества и храбрости русского человека. Эти рассказы воспитывали у него твердость характера и настойчивость в достижении цели.

Когда домашнее образование уже ничего не могло добавить к знаниям мальчика, отец решил отдать его в Морской кадетский корпус. Служба во флоте была хотя и трудной, но считалась привилегированной и почетной.

4 апреля 1842 года директор кадетского корпуса извещал, что «так как сын майора Бошняка Николай по происхождению своему имеет право на определение в кадеты Морского корпуса, то будет зачислен в кандидаты».*

Вскоре Николай Бошняк, надолго расставшись с родным домом, переступил порог Морского корпуса. Впоследствии и самый младший брат Николая Василий пошел по его стопам: стал офицером русского военно-морского флота.

Жизнь в Морском корпусе со всеми тяготами и невзгодами, с казенной муштрой была не по душе юноше и он, как и многие воспитанники, мечтал о том времени, когда, окончив учебу, попадет на флот, где перестанет

* ЦГА ВМФ, фонд 432, д. № 447, л. 1.

быть зависимым от наставников и дядек, оберегающих каждый шаг.

В 1846 году молодой Бошняк был произведен в унтер-офицеры, а в 1847 году — в гардемарины. Летнюю практику Бошняк проводил на фрегатах в Финском заливе. Зная до службы в корпусе море только по книгам, теперь он полюбил его всей своей молодой душой.

В 1848 году уже фельдфебель Бошняк нес первую самостоятельную ходовую вахту на фрегате «Вольность» под командою капитан-лейтенанта Терентьева. Отлично справляясь с новыми обязанностями, 19-летний Бошняк в июне 1849 года был произведен в мичманы — младший морской офицерский чин.

Первая половина XIX века была чрезвычайно насыщена большим количеством русских экспедиций, предпринимаемых в различные концы земного шара. Только за 46 лет, с 1803 по 1849 годы, было совершено 36 кругосветных плаваний.

Русская географическая наука уже в то время с полным правом занимала одно из первых мест в мировой географической науке. Русские моряки бороздили воды морей и океанов, открывая все новые и новые земли.

Среди передовых офицеров велика была тяга к дальним плаваниям. После экспедиции Г. И. Невельского на «Байкале» к Амуру интерес к Дальнему Востоку заметно вырос.

Еще в корпусе молодой Бошняк увлекался описаниями дальних путешествий. Знал он и о походе Невельского. Окончив корпус, Николай Бошняк, только что произведенный в чин лейтенанта, подал рапорт о зачислении в недавно организованную Амурскую экспедицию под командованием капитана первого ранга Невельского.

«Пусть не думают, что я обвинял кого-нибудь в том, что мне пришлось жить таким образом; я знал, что офицеров не было, а дела много; охотников на такую жизнь

не находилось — и это понятно: удовольствия Петербурга и даже удобства обыкновенной оседлой жизни, или хотя бы кают-компании, слишком привлекательны в сравнении с теми лишениями, которым мы подвергались в этом краю, тем более, что, как часто случается, можно приобрести известность и выгоды, не подвергая себя таким лишениям».*

Деятельный и энергичный, Геннадий Иванович Невельской подбирает себе помощников прежде всего по их деловым качествам и желанию сопутствовать ему в его деятельности. Именно таким и стал Николай Бошняк, один из лучших сподвижников Невельского.

По словам Антона Павловича Чехова: «В исследованиях Бошняка самое интересное, конечно, личность самого исследователя, его молодость, — ему шел тогда 21-й год, — и его беззаветная, геройская преданность делу».** И действительно, разбирая детально всю жизнь экспедиции, трудно найти такой ее этап, который не был бы так или иначе связан с именем Бошняка.

Первая встреча

В начале июля 1851 года, после длительного путешествия через всю Сибирь, прибыл в порт Охотск в распоряжение начальника Амурской экспедиции Невельского лейтенант Николай Константинович Бошняк.

Веселый и жизнерадостный, полный энергии и юношеского задора, молодой лейтенант сразу снискал себе общую любовь и расположение. Отлично образованный, знавший «науки до морского офицера относящиеся» и

* Н. К. Бошняк, Экспедиция в Приамурском крае, «Морской сборник», 1858, № 12, стр. 180—181.

** А. П. Чехов, Остров Сахалин, Госиздат, 1948, соч., т. X, стр. 108.

языки французский и английский Николай Константинович с первой встречи очень понравился и Невельскому, который в дальнейшем давал ему многие ответственные поручения.

Молодой лейтенант ясно представлял себе цели и задачи Амурской экспедиции и поэтому рвался скорее туда, где недавно Геннадий Иванович Невельской поднял русский флаг.

Вместе с Невельским Бошняк вышел из Охотска на транспорте «Байкал», которым теперь командовал капитан-лейтенант Гороновский, в порт Аян, бывший в то время отправным пунктом многих дальневосточных плаваний и исследований.

12 июля «Байкал» прибыл в Аян, расположенный в заливе того же наименования. В селении Аян находились склады Российско-Американской компании и ютилось несколько жилых домов. Отсюда Бошняк вместе с Невельским и остальным составом экспедиции на барке Российско-Американской компании «Шелехов» 15 июля отправился в залив Счастья, к Петровскому зимовью, основанному Невельским.

Вблизи Петровского, недалеко от берега, на барке открылась течь. Судно стало быстро тонуть. Сопровождавший барк транспорт «Байкал» оказать помощь не мог, так как сел на мель перед входом в залив Счастья. Положение участников экспедиции и команды барка «Шелехов» было не из завидных. Барк погрузился в воду до верхней палубы и только малые глубины не дали ему окончательно затонуть.

К счастью, погода стояла штилевая и с приливом сошедший с мели «Байкал» благополучно снял экипаж барка и участников экспедиции.

Николай Константинович Бошняк в это тяжелое время показал себя как волевой, находчивый офицер. Он

деятельно помогал командиру барка лейтенанту Мацкевичу.

Подошедший на помощь корвет «Оливуца» под командованием капитана-лейтенанта И. Н. Сущева помог разгрузить затонувший барк.

Как позже выяснилось из доклада специальной комиссии под председательством капитан-лейтенанта Сущева, гибель барка «Шелехов» произошла по вине американской судовой верфи, где строился барк. Крепления обшивки оказались слабыми и отошли, образовав течь. Хорошо что это случилось вблизи Петровского, а не в открытом море...

В эти дни впервые Бошняк встретился с мичманом Николаем Матвеевичем Чихачевым с корвета «Оливуца». Молодые люди быстро подружились и впоследствии часто делили трудности совместной жизни.

В зимовье Петровском ко времени прибытия туда Бошняка было всего три домика, но это не смущало молодого офицера.

«Несмотря на то, что мы были в 10 000 верстах от всякого родного и образованного мира, весело было русскому сердцу видеть рождающуюся на этих голых пустырях русскую жизнь со всеми ее типическими оттенками»,* — пишет Бошняк.

С окончанием разгрузки барка Николай Константинович на 14-весельной байдаре во главе отряда из 25 человек, сопровождая вельбот, на котором находился Невельской, вышел в устье Амура. Целью этого похода было окончательное утверждение в устье Амура и основание там селения.

Путь отряда лежал по северному фарватеру, открытому Невельским и названному его именем. Жадным

* Здесь и в дальнейшем выдержки и даты по старому стилю, касающиеся деятельности Н. К. Бошняка, даются по его очеркам, публиковавшимся в «Морском сборнике» в 1858—1859 годах.

взором следил Бошняк за раскрывавшейся перед ним величественной панорамой входа в устье Амура. Здесь ему придется служить. Высокие, круто обрывающиеся берега материка справа, у которых пролегал путь байдары и вельбота; низкие, песчаные, холмистые, мало приметные берега Сахалина слева и ровная гладь лимана впереди, над которой вдалеке как бы нависала полоска земли.

Действительно впечатление было такое, что Сахалин и материк сходятся на горизонте; то самое впечатление, которое привело к ошибке многих известных мореплавателей.

У мыса Табах, северного входного мыса в устье Амура, продвигаться стало труднее, сказывалось сильное течение Амура, и гребцы дружнее налегли на весла. Наконец, пройдя мыс Табах, байдара повернула и вошла в Амур.

Широка и величественна эта дальневосточная река. Стоя на байдаре, вспомнил Бошняк мнение «авторитетов» о несудоходности устья Амура и с усмешкой подумал: «Да, трудно такой полноводной лавине теряться в песках и никуда не выносить свои воды».

9 августа байдара и вельбот подошли к местечку, называемому нивхами Чорбах, рядом с мысом Куегда, где год тому назад был поднят флаг над Приамурьем и основан Николаевский пост.

Задерживаться здесь Невельской не стал и в тот же день, оставив на берегу 25 человек команды и две пушки, отправился обратно. Бошняк остался начальником Николаевского поста. Невельской приказал лейтенанту построить здание для команды, постоянно держать флаг и при нем часового. Приказчик Березин должен был начать торговлю с местными жителями.

Трудно пришлось молодому начальнику поста без оборудованных жилищ, с ограниченным запасом продоволь-

ствия в диком и глухом месте с опасными и подозрительными соседями (как тогда по рассказам думали про нивхов).

Однако, несмотря на огромные трудности, которыми Дальний Восток встречал всякого, посягавшего на его первобытность и дикость, освоившись на новом месте, лейтенант Бошняк развернул на посту усиленную подготовку к зиме.

К середине октября недалеко от берега появились две землянки для команды, крытые поверх досок дерном, рядом стояла хоть и небольшая, но все же настоящая баня, на зиму было напилено много дров и вдобавок ко всему ввиду ожидавшегося подвоза скота для него накопили сено.

Казалось бы, основное готово, можно спокойно вести работу и налаживать торговлю с населением. Но вскоре проливные осенние дожди размыли крыши в землянках, так что их приходилось все время ремонтировать. Прошли непрерывные дожди, начались холода. В довершение ко всему вездесущие крысы, почуяв продовольственные запасы, до того обнаглели, что почти совсем перестали бояться людей.

Чтобы дать отдохнуть Бошняку и узнать от него о состоянии дел, Невельской вызывает его в середине октября в Петровское.

Вернувшись из Петровского, Бошняк продолжает работы по утеплению жилищ. Постепенно налаживается торговля с нивхами; в обмен на товары, имевшиеся у Березина, местные жители доставляли свежее мясо и рыбу. Вскоре и землянки приняли вполне жилой вид. Посреди них весело потрескивали дрова в добротной сложенных печах. Вокруг печей устроили нары.

Строгий распорядок и заботливое отношение к команде способствовали тому, что в течение зимы в Николаевском серьезных заболеваний не было.

На Сахалин

В первые дни нового, 1852 года Бошняк получил приказание Невельского явиться в Петровское. Быстро собравшись, Николай Константинович на третий день был на месте.

Невельскому и участнику его экспедиции подпоручику корпуса флотских штурманов Дмитрию Ивановичу Орлову местные жители сообщали о том, что на Сахалине, южнее мыса Погоби, встречается каменный уголь. Нивхи выделывали из него пуговицы. Такую пуговицу Невельской и Орлов видели у нивха Закована.

Ходили также слухи, что в устье реки Тымь, пересекающей Сахалин и впадающей в один из заливов Охотского моря, совсем недавно проживали русские.

Невельской решил в первый же год работы экспедиции проверить эти сведения. Как дальновидный человек, он понимал большое значение сахалинского угля, если он будет найден, для освоения края.

Для выполнения этого ответственного задания Невельской решил послать на Сахалин Бошняка.

Получив приказание, лейтенант начал готовиться в путь. Сборы продолжались недолго. Запасы экспедиции были так скромны, а денежные средства так мизерны, что приходилось рассчитывать больше всего на продовольствие, вымененное у местных жителей.

Начавшиеся сильные ветры задержали выход Бошняка до 20 февраля. Наконец в этот день он в сопровождении нивха Позвейна, кое-как научившегося объясняться по-русски, отправился в путь.

Бошняк так пишет об этом в своих воспоминаниях: «Для этого мне было дано: нарта собак, дней на 35 сухарей, чаю да сахару, маленький ручной компас, а главное — крест капитана Невельского и ободрение, что если есть сухарь, чтобы утолить голод, и кружка воды

напиться, то с божиею помощью дело делать еще возможно».

Отдохнувший в гостеприимной семье Невельских, Бошняк поторапливал собак, которые и так весело несли легкий груз нарты по слегка заснеженной ледяной глади лимана, кое-где пересеченной небольшими торосами.

Пройдя мыс Джаоре и обогнув Частые острова, Бошняк взял направление на самое узкое место Татарского пролива, где до плавания Невельского предполагалось наличие перешейка, соединяющего Сахалин с материком. Прибыв к мысу Лазарева, приметному по высокой скале, Бошняк пересек пролив Невельского и расположился на ночлег в одной из немногочисленных нивхских юрт небольшого селения Погоби.

Николай Константинович пытливо присматривался ко всему, что встречал на своем пути и особенно здесь, в первом встреченном им сахалинском селении. Однако, не зная обычаи местных жителей, он на первых же порах своего путешествия нарушил их, что явилось причиной несколько неприятного происшествия.

Угощая нивхов чаем, Николай Константинович увидел, что они с большим любопытством смотрят на имеющуюся при нем флотскую саблю и решил показать ее. Вынув саблю и заметив, что она в одном месте погнулась, Бошняк стал выпрямлять лезвие о камни очага, стоявшего посреди юрты. В юрте поднялся невообразимый шум. Все присутствующие повскакали со своих мест и различными выкриками и жестами выражали свое крайнее недовольство.

Удивленный и ничего не понимающий Бошняк обратился к Позвейну. Тот объяснил, что Николай Константинович совершил, с точки зрения нивхов, непростительную оплошность, так как очаг — место священное и дотрагиваться до него железными предметами нельзя.

Каждый же нарушивший это, для искупления своей вины, должен отдать хозяину юрты собаку.

По вполне понятным причинам Бошняк этого сделать не мог, и он, объяснив хозяину, что не знал этот обычай, отказался отдать собаку и улегся спать.

Когда на следующее утро Бошняк и его спутник собрались продолжить путь, то выяснилось, что одна собака из упряжки пропала. Несмотря на все усилия Позвейна разыскать животное, — ему этого не удалось сделать и только после вмешательства Бошняка собака была возвращена. А для того, чтобы все-таки соблюсти местный обычай, было решено произвести обмен собаками из нарт Бошняка и хозяина юрты.

Таким образом, только после полудня Бошняк получил возможность двинуться в дальнейший путь, кое-как уговорив своего проводника, который побаивался, что нивхи отомстят.

Теперь дорога лежала вдоль берега в южном направлении. До самого мыса Тык ровный и низменный берег почти не пересекался холмами и нигде не спускался к морю обрывисто. От мыса Погоби до селения на мысе Тык Бошняк наблюдал в Татарском проливе большие ледяные поля и вздыбившиеся торосы: море сплошь было покрыто льдом. Никаких следов местонахождения каменного угля пока еще не было.

После краткого привала в селении Тык Бошняк с Позвейном отправились дальше. Характер берега начал резко меняться. Итти становилось трудней. Путь пересекали пригорки и увалы. К тому же, если раньше до мыса Тык в трудных местах пути можно было отходить от берега и двигаться по льду, то теперь только кое-где держался береговой припай, — вся открытая часть моря была свободна ото льда. Поэтому продвигаться вперед становилось все трудней.

Несмотря на тяжелую дорогу, молодой лейтенант ни

на минуту не прекращал научной деятельности. При сильных морозах и постоянных пронизывающих ветрах Николай Константинович вел опись пути, производил глазомерную съемку берега и заносил все, представляющее интерес, в свой дневник.

Сразу же за мысом Тык стали попадаться выходы, а иногда и куски каменного угля. Причем наибольшее обнажение его было замечено Бошняком между устьем реки Виахту и заливом Уанды (Уанди).

За южным мысом* залива Уанды двигаться стало еще труднее, путь преграждали гранитные и плитняковые утесы, возвышающиеся над уровнем моря от 15 до 60 метров. Сильные порывы ветра едва не валили усталых путников с ног, но лейтенант упорно продолжал идти вперед. Там, где берега были совершенно обрывисты и не было возможности идти вдоль береговой линии, путешественники углублялись в горы, преодолевая крутые подъемы и глубокие расщелины.

На всем пути им приходилось довольствоваться сухарями с чаем да иногда, при благоприятном случае, рыбой, выменянной у нивхов.

От Уанды до Мгачи каменного угля обнаружить не удалось. Зато за летниками** Мгачи Бошняку удалось открыть огромные залежи каменного угля. После этого признаки залежей угля исчезли вплоть до селения Аркни (Арково) и опять были обнаружены у Аркни и особенно в большом количестве у селения Дуэ.

Попутно с обследованием выходов угля, ясно доказывавшим наличие каменного угля на всем протяжении от селения Тык до селения Дуэ на расстоянии около 165 километров, Бошняк изучал побережье, стремясь найти бла-

* В настоящее время мыс Бошняк.

** Летники (в отличие от зимников) — летние постройки у нивхов, вблизи которых ведется рыбная ловля.

гоприятные подходы для кораблей к берегу при вывозке угля морем. О результатах исследования он пишет:

«На всем пространстве от Погоби до Дуи (Дуэ), на расстоянии 90 миль, нет не только что закрытого залива, но даже порядочной якорной стоянки; все заливы очень мелководны почти до самых мысов, открыты западным ветрам и испещрены каменными рифами».

Выводы Бошняка впоследствии подтвердились: на всем протяжении этого побережья крупные корабли не могут подходить близко к берегу и вынуждены становиться на рейде.

В исследованиях Н. К. Бошняка уже в этот период его деятельности проявилась замечательная черта добросовестного методического отношения к порученному делу. Описания посещенных им мест пунктуальны и широки: здесь наблюдения о климате, о месторождениях полезных ископаемых, о колебаниях уровня моря в бухтах, о растительном и животном мире и т. д. И вся эта большая работа исполнена в исключительно трудных условиях.

Положение Бошняка после выполнения первой части полученного задания значительно усложнилось. Скучные запасы, взятые из Петровского, почти все подошли к концу. Сами путешественники были очень утомлены и нуждались в хорошем отдыхе. Собаки также были измучены, но лейтенанту «отстать от удачно начатого не хотелось».

Согласно приказанию Невельского, Бошняку необходимо было еще исследовать Тымь — самую крупную реку Сахалина, текущую в Охотское море, и собрать сведения, касающиеся поселения русских на Сахалине. То есть предстояло выполнение второй, не менее ответственной части похода.

За время путешествия Бошняка вдоль побережья у него накопилось большое количество образцов горных

пород; помимо этого удалось пополнить запасы рыбы — это заставляло искать еще одну нарту с упряжью собак. Все предложения Бошняка на этот счет отклонялись нивхами и ему ничего не оставалось делать, как оставить поклажу и часть провизии в селении Танги, куда он вернулся из Дуэ.

На заметно облегченной нарте Бошняк и Позвейн двинулись в дальнейшую дорогу от летников Мгачи. Путь шел первоначально вдоль речки Мгач среди крупного хвойного леса. Резко усилившиеся морозы и большие сугробы замедляли продвижение. К этому прибавились еще непрерывные жалобы проводника, растершего себе в нескольких местах ноги и потому едва волочившего их.

Преодолев с большим трудом перевал и пройдя за него еще километров около тридцати, Бошняк добрался до селения Удумково, где позволил себе кратковременный отдых в душевой, полной дыма нивхской юрте, показавшейся путешественникам лучшим местом на земле.

Селение это находилось примерно в семи километрах от места впадения речки Пуджима в Тымь, откуда лейтенант собирался начать глазомерную опись Тыми до ее впадения в Охотское море.

Выйдя на следующий день в дальнейший путь, Бошняк увидел, что проводник Позвейн так стер ноги, что не сможет больше помогать ему. Начавшаяся сильная пурга не давала никакой возможности продолжать успешное продвижение вперед. Позвейн больше сидел на нартах, так как итти на лыжах уже не мог. Собаки до того истожились и выбились из сил, что начали гибнуть.

В этих условиях Бошняк принял поистине героическое решение. Из селения Юткырво он решил двигаться дальше один на лыжах, взяв с собой только походный мешок с самым необходимым. Позвейну же с нартой и оставшимися собаками приказал возвращаться обратно в Танги и там ждать его прихода.

С трудом, за большую плату, удалось Бошняку нанять себе в проводники одного местного нивха, так как все они крайне недоумевали для чего нужно этому лоча* так настойчиво пробиваться к морю, когда никто еще не занят рыбной ловлей, а для охоты и здесь возможностей сколько угодно.

Теперь путь путешественника проходил частью по реке Тымь, которая течет по очень извилистому руслу, частью по ее берегам. Бошняк то и дело останавливался, определяя направление реки, записывая характер ее берегов. Вынимая компас и производя записи в своем походном журнале, Бошняк еще больше приводил в смущение сопровождавшего его проводника и так еле рискнувшего сопровождать странного русского.

Берега Тыми, вдоль которых шел Бошняк, были обрывисты, склоны гор, подходивших к реке, поросли елью, лиственницей и березником. От жителей редких селений удалось выяснить, что Тымь чрезвычайно богата рыбой. В окружавших же реку лесах водилось много различных пушных зверей и особенно соболя.

Беспрестанно производя съемку и ведя запись наблюдений, лейтенант собирал также сведения о жителях острова и по возвращении из экспедиции представил первые статистические данные о числе нивхов, населявших Сахалин.

В селении Чхар местные жители продали Бошняку четыре листа из часовника. На заглавном листе было написано: «Мы, Иван, Данила, Петр, Сергей и Василий, высажены в айнском селении Тамари-Анива Хвостовым 17 августа 1805 года; перешли на реку Тымь в 1810 году, в то время, когда пришли в Тамари японцы».**

* Лоча — так местные жители называли русских.

** Г. И. Невельской, Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России, Географиздат, 1947, стр 155

Бошняк осмотрел место, где стояли три избы русских поселенцев и остатки их огородов. По рассказам жителей, двое из них были женаты на местных женщинах, последний русский — Василий — умер совсем недавно. Коренное население отзывалось о русских очень хорошо.

Долго стоял Николай Константинович с непокрытой головой перед развалинами жилищ первых русских поселенцев.

Подробно ознакомясь с остатками русского поселения, Бошняк 3 марта вышел из селения Чхар далее к Охотскому морю, попрежнему придерживаясь русла реки Тымь.

Не имея теперь сухарей, сахара и чая, лейтенант питался исключительно юколой* и мороженой брусникой. И все же он решил во что бы то ни стало выполнить поставленную задачу.

С большим трудом исследователь достиг устья реки Тымь, которая впадает в Ныйский залив. Залив отделяется от моря небольшой продолговатой песчаной косой, тянущейся почти параллельно основному направлению берега. Эта песчаная коса является островом, который носит у местных жителей название Кетово. По побережью залива были расположены два небольших селения, состоящие из нескольких юрт, в которых и нашел свое убежище Бошняк. Большинство местных жителей не имело никакого представления о существовании Китая и Японии.

Несмотря на заметно ухудшившуюся погоду, часто совершенно не дававшую возможности проводить наблюдения, Бошняк стремился в кратчайший срок произвести опись залива.

Закончив опись берега и собрав данные, касающиеся прилива и отлива, а также времени вскрытия и замерзания залива, Бошняк стал собираться в обратный путь. Положение его было критическим. Пища — юкола, ноги

* Юкола — вяленая рыба.

во многих местах стерты, обувь и одежда разорваны — а впереди предстоял путь общей протяженностью около 400 километров. Надеяться было не на кого, и Бошняк решительно отправился в обратную дорогу.

Совершенно измученный и истощенный в течение десяти дней Бошняк настойчиво брел по теперь уже знакомому пути, неся за плечами мешок с результатами наблюдений и образцами различных минералов.

Перевалив с невероятными усилиями через хребет и «бывши почти не в состоянии ходить от образовавшихся на ноге нарывов, весь ободранный, голодный», Бошняк встретил, наконец, в селении Танги оставленного там Позвейна с нартами и собаками. Радость увеличилась еще более, когда Позвейн предложил ему с дороги чаю с сахаром и с несколькими сухарями, которые проводник заботливо сохранил.

Около 200 верст прошел герой-лейтенант один по совершенно диким местам острова, много сделал наблюдений, много нового и полезного узнал. Но успокаиваться было рано. Впереди предстояло еще столько же пути до Петровского.

Оставшиеся у путников собаки везли плохо, кормить их было нечем. Животные выбивались из сил. Часто людям приходилось впрягаться в нарту и помогать собакам везти ее. Путь ухудшался еще и тем, что двигаться нужно было по почти оголенному от снега, скалистому берегу, так как имевшийся ранее береговой припай теперь был разрушен и не представлял надежной дороги.

С большим трудом через пять дней путешественники сумели добраться до селения Тык. Купить продукты здесь не удалось. Усталые и голодные улеглись путники спать в углу юрты. Уже засыпая, Бошняк услышал, что кто-то вошел в юрту. Оказалось, что прибыл по своим делам амурский нивх с запасами свежей рыбы. У него удалось выменять кусок свежей осетрины.

Нивхи из селения Тык долго не хотели со своими нартами, взамен совершенно вышедшей из строя упряжки Бошняка, сопровождать его до устья Амура. Кое-как удалось Николаю Константиновичу упротить одного молодого расторопного нивха. Свою упряжку Бошняку и Позвейну пришлось оставить в селении Тык.

Свежая смена собак быстро несла путешественников к теперь уже обжитым, родным местам.

Прибыв в тот же день к вечеру в селение Потоби, Бошняк был очень удивлен тем, что хозяева юрт (а их было всего четыре) категорически отказались пустить ночевать усталых путников. Удалось выяснить, что все это из-за того самого происшествия с очагом, случившегося в начале пути.

Бошняку и Позвейну пришлось провести ночь на морозе, а утром продрогшие путешественники двинулись к мысу Лазарева.

Дальнейший переход от мыса Погоби к мысу Лазарева, а затем по открытой части лимана уже не представлял особых затруднений, места были знакомые.

3 апреля Бошняк возвратился в Николаевский пост, землянки которого, по собственным словам Бошняка, показались ему просто дворцами.

Так закончилось первое самостоятельное исследование Николая Константиновича Бошняка, давшее ценные результаты.

Вверх по Амуру

После экспедиции на Сахалин Николай Константинович больше недели передвигался только на костылях; в этот период он был занят составлением карт и отчета о своей экспедиции.

Едва окрепнув, через две недели после возвращения из сахалинской экспедиции, Бошняк был снова готов от-

правиться на выполнение следующего задания Невельского.

На этот раз Невельским было приказано:

«1) Наблюдать обстоятельства вскрытия реки и протоки (Амура и протоки Уй. — *Ред.*), описать и промерить их, а равно и озеро Удыль, и выяснить, не представляют ли они удобных условий для зимовки судов, устройства эллинга и для оседлого земледельческого населения; 2) исполнив это, на обратном пути следовать по левому берегу реки Амура и замечать на нем места, удобные для заселения».*

Это задание было вызвано тем, что, как выяснилось в результате ряда промеров, строительство торгового порта в Николаевске без дноуглубительных работ невозможно. Поэтому Невельской думал устроить в Николаевске крепость, передовой пост, защищающий устье Амура, а для торгового порта подыскать место вверх по Амуру.

Учтя опыт своего похода на Сахалин, Николай Константинович более тщательно готовился к своей второй самостоятельной экспедиции. Вместо карманного компаса он брал с собой секстан и большой пелькомпас. Одновременно Бошняк позаботился и о запасах для себя и своего спутника казака Семена Парфентьева и о корме для собак.

Окончательно еще раз проверив подготовку, Бошняк в сопровождении Парфентьева, ставшего с тех пор постоянным участником всех его походов, в середине апреля вышел из Николаевска.

Проехав несколько километров, путешественники неожиданно были застигнуты пургой. Снег забирался в мельчайшие складки одежды, слепил глаза. Ничего не было видно уже за несколько шагов. Держать курс по

* Г. И. Невельской, Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России, Географиздат, 1947, стр. 158.

компасу стало невозможно. Всю ночь бушевала пурга, и лишь под утро, когда она понемногу утихла, Бошняк заметил, что они находятся у нивхского селения Каки. Решив здесь не останавливаться, тем более что погода улучшилась и видимость стала отличной, Бошняк пошел к селению Вайт, где и остался ночевать.

Дальнейшее продвижение Бошняка к месту назначения задерживалось рано наступавшей в том году весной. Солнце заметно пригревало днем, образуя на льду опасные полыньи. Морозов больших уже не было и проталины даже ночью не успевали затягиваться коркой льда.

Во время своих неоднократных посещений нивхов Бошняк, изучая их быт, обычаи и нравы, обратил внимание на то, что из всех зверей у них пользуется особым почетом медведь. Когда лейтенант стал расспрашивать жителей о причине этого, ему объяснили, что медведь — животное умное, он так же, как и человек, устраивает себе жилище, так же, как и человек, промысляет зверей и рыбу. Поэтому медведь является у многих приамурских племен священным животным: он больше всего похож по образу жизни на человека.

Нивхи повсюду радушно встречали путешественников и просили, чтобы русские у них поселились и защищали от посягательств маньчжур.

Восемь дней продолжалось путешествие от Вайта до селения Ухтр (Ухта), во время которого путешественникам ни один раз приходилось купаться в ледяной воде, а потом в промерзшей одежде добираться до ближайшего жилья. Наконец 28 апреля Бошняк и Парфентьев добрались до селения Ухтр, где они остановились у нивха Куйчена и стали, согласно заданию, дожидаться вскрытия реки.

Селение Ухтр расположено в устье протоки Уй, на левом ее берегу. Эту протоку и озеро Удыль, из которого она вытекает, и предстояло исследовать.

До вскрытия реки оставалось еще довольно много времени, и Бошняку представилась богатая возможность подробно ознакомиться с бытом и жизнью не только нивхов, но и приезжавших сюда, несмотря на запрет своего правительства, торговцев-маньчжур.

О приезде и остановке в этом селении двух русских сразу стало известно во всех окрестных селениях. Маньчжурам не терпелось поскорее узнать, как отнесутся к ним русские и с какими товарами они явились. Поэтому купцы через два дня были уже в гостях у Бошняка, который угостил их обедом и был сам приглашен к ним.

Маньчжуры были очень удивлены, когда узнали, что у русских нет таких ходких товаров, как водка и табак, которые у них являются основными.

Занимаясь сбором сведений о масштабах торговли маньчжур с гиляками, Бошняк окончательно убедился, что главным средством наживы торговцев-маньчжур являются спиртные напитки. С горечью Бошняк свидетельствует: «Водка, этот общий бич дикарей (впрочем и не одних дикарей) — служит и здесь позорным средством для исключительных выгод торгашей. Маньчжуры, имея араку* на $\frac{2}{3}$ ценности всех своих товаров, спаивают целые селения, обирают весь годовой запас корма юколы и потом продают его тем же гилякам в десять раз дороже того, за что купили».

Наблюдая жизнь нивхов и маньчжур, Бошняк одновременно вел описание местности. Со всей возможной в то время точностью из пятикратных наблюдений он определил географическую широту селения Ухтр, произвел съемку окрестностей селения и произвел промеры глубин.

Дождавшись полного вскрытия Амура и произведя все

* Арака — водка.

необходимые наблюдения, лейтенант договорился с пятью нивхами сопровождать его с Парфентьевым и приготовился к дальнейшему путешествию. Вдруг в юрту, где он укладывал свои вещи, вбежала заплаканная женщина и жестами стала звать Бошняка следовать за ней.

Николай Константинович решил, что случилось какое-то несчастье, и, забрав необходимые медикаменты, отправился за женщиной. Предчувствие Бошняка не оправдалось. Оказалось, что пьяный нивх избил свою жену и она, с трудом вырвавшись от него, обратилась за помощью к Бошняку, который пользовался среди местных жителей непререкаемым авторитетом. К нему уже до этого нивхи обращались по всякому поводу, особенно если кто-нибудь заболел. Нивхи считали, что каждый русский умеет лечить от всяких болезней. Вмешательство Бошняка помогло и на этот раз.

Ранним погожим утром 21 мая Бошняк со своим спутником и проводниками начал исследование протоки Уй и озера Удыль. Ветер был попутный и под парусами, сделанными из двух простыней, путешественники довольно быстро неслись навстречу течению.

Суровая амурская природа ожила. На освобожденных от снега берегах зазеленела трава, на деревьях и кустах набухали почки. Подробно описывать протоку Николай Константинович решил на обратном пути, поэтому сейчас продвигались без остановок и к утру следующего дня достигли озера Удыль. Бошняк произвел подробную съемку его берегов. Определения его отличаются точностью и мало разнятся с современными данными.

На исследование озера и впадающих в него трех рек ушло два дня. Ночь путешественники провели на острове, расположенном поблизости от впадения реки Пильда в юго-западную часть озера.

Николай Константинович назвал этот остров Серебряным, так как среди нивхов ходило предание, что когда-то

на этом острове было столько серебра, что маньчжуры ввозили его целыми лодками. Но однажды один из пришельцев пожалничал, набрал много серебра, а жертву духу Кинсу, повелителю озера, не дал, от этого лодка перевернулась, и маньчжур утонул. С тех пор ни одного маньчжура не бывало на озере, а нивхи не высаживались на остров.

Только исключительное доверие и расположение, которое снискал Николай Константинович у местных жителей, заставило нивхов грести к острову. Однако первому пришлось выйти на берег Бошняку, и, когда проводники убедились, что лодка не переворачивается и ничего страшного не происходит, — они также решились выбраться на прибрежные камни.

Для проверки легенды Бошняк взял несколько образцов камней с собой. В Николаевске камни были тщательно исследованы, но никаких признаков серебра они не содержали.

В озере Удыль, также вблизи устья реки Пильды, лейтенант встретил другой остров, меньшего размера, чем Серебряный, его Бошняк назвал именем духа озера Удыль, остров Кинс.

Реки Битчи и Бичи, устья которых обстоятельно описаны и определены Бошняком, имеют важное значение в качестве перевала на реку Амгунь и для сплава леса, которым богаты их берега. Само озеро Удыль изобилует различными породами рыб, среди которых часто встречаются осетровые.

Закончив опись озера и протоки Уй, Бошняк вернулся в Ухтр, откуда собирался, не задерживаясь, следовать с отчетом в Николаевск. Но совершенно непредвиденное обстоятельство отложило его возвращение на долгий срок.

Почти одновременно с Бошняком Невельской послал на Амур Березина, который должен был исследовать ле-

вое русло реки и налаживать торговлю с нивхами. Последний своего задания выполнить не смог из-за болезни и находился в самом плохом состоянии в Ухтре.

Снова проявились здесь замечательные качества молодого лейтенанта. Убедившись в том, что Березин не в состоянии довести до конца своей работы, Бошняк нанял для него лодку с нивхами-гребцами и отправил его в Николаевск. Сам же с Парфентьевым 29 мая вышел на выполнение задания «предписанного Березину, имея в виду исполнение всего преднамеренного плана в настоящую весну и помня правило, что продолжать всегда легче, нежели начинать».

Медленно поднимаясь вверх по реке, Бошняк делал только общие записи об этих местах, так как опись правого берега была до него уже произведена Чихачевым и топографом Поповым.

Высокий, гористый берег вскоре привел к бесчисленным протокам и островкам, среди которых возвышался остров Сучу; все остальные были низменные и вероятно в половодье заливались водой. Этот остров является преддверием в озеро Кизи, являющееся как бы большим заливом Амура. Вход в озеро густо усеян островами, покрытыми тальником.

Наблюдения Чихачева и Березина надо было завершить, и Бошняк производит промер глубин и впоследствии докладывает Невельскому о необходимости установить в этом месте военный пост. Место самое удобное: на Амуре и ближе всего к заливу Де-Кастри.

Озеро Кизи, начинаясь от Амура, имеет основное направление с северо-запада на юго-восток, то есть в сторону морского берега, заканчивается оно устьями двух небольших рек: Дучу (Дульди) и Таба. Рекой Таба местные жители пользовались для перетаскивания своих лодок с моря на Амур и обратно. Верховья ее начинаются всего за два километра от моря.

Закончив промер протоки и части озера Кизи, Бошняк вышел в обратный путь и без особых приключений, следуя протоками Амура, 13 июня был уже в Ухтре, где пробыл до 15 июня.

Наняв там лодку, Бошняк через два дня вернулся в Николаевск и вскоре докладывал Невельскому о результатах экспедиции.

Жизнь в Николаевске

В Петровском Бошняк встретился со своим «благородным и лихим товарищем» Николаем Матвеевичем Чихачевым. В семействе Невельских они находили «приют, внимание, ласку и образованную беседу», — все то, чего так нехватало в их жизни, особенно после долгих скитаний по неисследованным глухим местам, порою в совершенном одиночестве.

Но как и раньше, Бошняк долго не задержался в «столице». Его ждал Николаевский пост. Невельской поручил Бошняку вести расширенное строительство поста, так как предполагалось перенесение сюда «главной квартиры» из удаленного от Амура Петровского.

Такое решение вызывалось тем обстоятельством, что после исследований Невельского Амур приобретал первенствующее значение в жизни Дальнего Востока. Кроме того, Петровское было расположено на узкой длинной косе, которая во время частых штормов во многих местах заливалась водой.

В Николаевске вместо существующих, на первый случай, землянок были заложены три дома: для офицеров, команды и под лазарет. Но строительство шло с большими трудностями. Вследствие безобразного отношения чиновников Российско-Американской компании, которым было поручено снабжение экспедиции, перебои в питании стали чувствоваться все заметнее.

Трудности увеличивались еще и за счет того, что во всех мелочах, подчас самых необходимых, чувствовался недостаток. Обещанный корабль с продовольствием и самым необходимым снаряжением не приходил. Но, несмотря на это, работа не прекращалась. В вековой тайге, никогда не слышавшей звука пилы и стука топора, валились деревья, из них воздвигались срубы новых зданий.

«Я любил смотреть на них; что-то было отрадное на душе, при взгляде на этих первенцев, в пустырях, еще недавно полных могильной тишины», — вспоминал в своих очерках Бошняк.

Лишь 28 июля корвет «Оливуца» прибыл из Аяна в Петровское. Он не оправдал надежд, возлагавшихся на него Невельским. Привезено было незначительное количество продовольствия и товаров, всего этого было недостаточно, чтобы обеспечить экспедицию в зиму 1852/53 года. Невельской немедленно посылает корвет обратно в Аян с мичманом Чихачевым.

Несколько раньше, 18 июля, с первым рейсом «Оливуцы» из Аяна прибыли мичманы Петров и Разградский, назначенные на службу в Петропавловск. Невельской своей властью оставил их в составе экспедиции, в которой офицеров не хватало.

Через несколько дней Бошняк встречал в своей наполовину разрушенной землянке новых товарищей, с которыми в дальнейшем пришлось работать до конца Амурской экспедиции.

Помощь, присланная с «Оливуцей», почти не изменила бедственного положения жителей поста. Экспедицию выручала поддержка местного населения, с которым были налажены самые лучшие дружественные отношения. Нивхи почти ежедневно привозили рыбу, которая стала основной пищей команды поста.

Позднее, чтобы еще теснее сблизиться с местным населением, Бошняк, заметив многозначительные взгляды,

которыми провожал один из матросов 18-летнюю милую дочь нивха Сургена, одного из влиятельнейших в селении, — решил помочь молодому моряку и взялся за сватовство. Особого труда это не представляло, так как выкуп, даваемый Бошняком за невесту, вполне устраивал отца. Дело было почти сделано, если бы вдруг не одно, совершенно непредвиденное обстоятельство, которое сразу разрушило все планы.

В селении Вайт проживал нивх, который давно уже задумал взять эту девушку себе в жены. Женитьба никак не могла состояться из-за большого выкупа, который требовал старик Сурген. Слух о сватовстве русского быстро распространился по окрестным селениям и очень скоро дошел до нивха. Правильно рассудив, что мешкать больше нельзя, он решил принять самые крайние меры: похитить невесту. Подговорив своих товарищей и воспользовавшись отсутствием отца девушки, уехавшего по делам, нивх прибыл в селение Куегда, где жила невеста (в одном километре от поста). Войдя в юрту и застав там только мать и дочь, жених и его товарищи молча выкурили по трубке и затем в одно мгновение, схватив девушку, крепко-накрепко привязали ее к нарте. Собаки, казалось, только этого и ждали. Через несколько минут похитители умчались.

Вернувшийся Сурген был страшно рассержен этим, ему очень хотелось породниться с русским. Он грозился зарезать нивха. Тому ничего не оставалось делать, как собрать с большим трудом требуемый выкуп и тем самым положить конец спору и всему делу.

Летом 1852 года жителям поста пришлось наблюдать довольно редкий случай падения метеорита. Огромный раскаленный огненный шар с большой скоростью приближался к земле, вызывая ужас и панику не только у нивхов, но и у матросов поста. Все побросали работу, ожидая конца света. С шипением, треском и свистом шар

упал в Амур. Бошняк жалел, что ему не пришлось за-
получить хотя бы осколок метеорита.

Нивхи по-своему объяснили падение метеорита. Не-
задолго перед этим, неизвестно по какой причине, был
убит нивх. Теперь же, увидев падающий метеорит, его
сородичи говорили, что душа убитого возмущена совер-
шенным преступлением и поэтому, желая выразить остав-
шимся в живых свой гнев, превратилась в огненный шар
и упала в реку.

Постепенно, несмотря на все трудности, лес был за-
готовлен и срубы первых построек Николаевска начали
подниматься над землей. В это время Бошняку опять
пришлось прервать руководство строительством и жизнью
поста и направиться для выполнения следующего важно-
го задания.

Ввиду того, что существовала явная угроза захвата
со стороны иностранных кораблей некоторых пунктов по-
бережья, Невельской решил этим же летом подготовиться
к занятию и основанию постов в Де-Кастри и на озере
Кизи. С этой целью он дал задания всем офицерам экспе-
диции. Орлов посылался в лиман для промера фарватер-
ов, Петров был занят переброской товаров из Петров-
ского в Николаевск, Чихачев ушел на «Оливуце». Бошня-
ку следовало идти в Кизи, где после промера озера, вы-
брать место для поста. Затем перебраться в залив Де-Ка-
стри, где также выбрать место для поста и объявить
жителям о присоединении к России.

Вместе с этим ему во всех попутных селениях надле-
жало делать заявления, что местные жители находятся
теперь под заступничеством русских и что поэтому они
не должны подчиняться иностранцам.

В середине августа Бошняк с казаком Парфентьевым
уже находился в пути. Подойдя к селению Ухтр, Бошняк
увидел, что вся местность, по которой он ходил весной,
была затоплена. Для дальнейшего пути к озеру Кизи

пришлось выбрать не главное русло Амура, а протоку, идущую правее его.

Зная, что мангуны* свободно плавают по озеру Кизи и, следовательно, знают наиболее глубокие места, Бошняк по приходе в селение Кизи нанял лодку с двумя ульчами-проводниками и, не задерживаясь, отправился для производства промера озера Кизи и реки Таба.

Работа шла быстро, так как ульчи, хорошо знавшие озеро, вели лодку по фарватеру, благодаря чему промер был завершен в короткий срок. Глубины оказались вполне достаточными для плавания судов (от 4,5 до 7,5 метра). В реке Таба, верховья которой ближе всего подходят к морю, глубина уменьшалась до трех метров.

Окончив промер, Бошняк оставил лодку с проводником на берегу озера, а сам с Парфентьевым и вторым проводником вышел пешком в залив Де-Кастри.

На высоком, обрывистом берегу залива, который прорезает узкая, но быстрая речка, Бошняк выбрал место для строительства поста. Выбор был весьма удачен. Вокруг лес, бухта с берега хорошо просматривалась и могла быть все время под непосредственным наблюдением. Вдоль берега тянулся неширокий, но довольно приглубый пляж, дающий возможность шлюпкам подходить вплотную к берегу.

Перед возвращением Бошняк, несколько изучивший жителей, собрал их, назначил старшим нивха Ничкуна и передал ему бумагу на французском и английском языках, которую последний должен был вручить каждому капитану иностранного судна, появившемуся в заливе. В этом документе, подписанном Невельским, официально объявлялось о принадлежности всего края до Кореи России.

* Мангуны — племя, живущее по Амуру выше селения Ухтр. Современное название ульчи.

Кроме того, Бошняк приказал нивхам, чтобы они во время своих поездок к югу от залива рассказывали во встречающихся селениях, что скоро придут русские, которые будут их защищать от всяких нападений и притеснений.

Успешно выполнив эту часть поручений, Бошняк прежним путем вернулся в селение Кизи, где так же, собрав всех жителей и назначив старшим ульча Ледена, объявил, что все жители по Амуру и Усури принимают русскими под свое покровительство.

После этого, осмотрев еще раз намеченное весной место для основания поста, лейтенант стал спускаться вниз по Амуру, останавливаясь во всех попутных селениях и объявляя там о покровительстве России.

8 октября Николай Константинович был уже в Петровском и докладывал о своем очередном, сравнительно легком походе.

Здесь он узнал о плохом положении дел в экспедиции. Бот «Кадьяк», под командованием Шарыпова, прибывший с казенным продовольствием и снаряжением для экспедиции, привез его совершенно недостаточно. Не были доставлены крупы, водка и медикаменты. Невельскому пришлось отказаться от всяких положенных норм и установить свои, разделив все имеющиеся продукты на число участников экспедиции.

Тяжелое состояние, в котором находилась экспедиция, и в частности Николаевский пост, ухудшалось еще и тем, что появились болезни и среди них самый страшный бич — цынга, или как называли ее тогда — скорбут.

Болезнь не прошла и мимо семьи Невельского. Заболела и умерла от недоедания дочь Геннадия Ивановича Екатерина.

Все же моральный дух команды Николаевского поста, куда снова вернулся Бошняк, был высок. Этому способ-

ствовали беседы офицеров с командой, их личный пример, общее желание победить трудности.

Наступила осень, а с нею и первые холода. Срубы были готовы. К зиме первой была закончена казарма для солдат. Немного позже — офицерский дом. Готовность обоих зданий была относительная. Рамы были повсюду одинарные, вместо стекол был натянут миткаль, заваленки не засыпаны, подпол не утеплен, — но не оставаться же на вторую зиму в почти развалившихся землянках.

Не дожидаясь завершения строительства, перебрались в новое жилье. Зиму встретили в домах. Правда, в них было еще холодно, необжито, — но это были все же не землянки, а рубленые настоящие дома.

Зима вступала в свои права, а с нею ожидалась новые путешествия и походы.

По Амгуни

Зимняя экспедиция Бошняка на Амгунь имела важное политическое значение. Она должна была определить истоки рек Уды, Амгуни и Горина, а также выяснить, действительно ли в верховьях Амгуни существуют пограничные столбы с Китаем, идущие в направлении Хинганского (Буреинского) хребта, как это считалось раньше.

В самом начале деятельности Амурской экспедиции реки Амгунь и Горин были бегло осмотрены мичманом Чихачевым, но не на всем протяжении. Озера же Чукчагирское и Саматиров (Эворон) вообще не были посещены ни одним исследователем.

В работе Амурской экспедиции выработалось правило: совершать все походы с наименьшим числом людей. Это обеспечивало подвижность партии, не вызывало больших затрат, что было крайне важно при более чем скромных средствах экспедиции. В новый поход вместе с Бош-

няком шли Семен Парфентьев и крестьянин Иван Мосеев, знавший язык местных жителей.

Даже в такой длинный путь Николай Константинович не взял ничего лишнего. На двух нартах уместились небольшие запасы сухарей, чаю и сахару, а также товары для обмена у местных жителей на необходимые продукты для себя и корм для собак.

Дождавшись, когда по Амуру установится нартовый путь, Бошняк 12 ноября был в дороге. Знакомая дорога до устья Амгуни была пройдена быстро. В селении Гок, расположенном в непосредственной близости от обрывистого, хорошо приметного мыса Тыр, который находится против устья реки Амгуни, устроили двухдневный отдых и произвели окончательную подготовку к трудному пути. Бошняка в это время можно было видеть то в одной, то в другой юрте беседующим с нивхами. Там он собирал сведения о неисследованных и никем не описанных местах, в которые ему предстояло идти.

Наконец 16 ноября Бошняк со своими спутниками начал обследование устья реки Амгуни. Им определены и названы отдельные, наиболее приметные острова и мысы. Сделаны заметки о растительности, описано местное население. Ночевки проводили в селениях, часто встречающихся по берегам реки.

Остановившись однажды на ночь в селении Кэвритин, Бошняк встретил маньчжура, который пробирался в верховья Амгуни для торговли с населением. Бошняк рад был попутчику, но все же, выезжая утром из селения, он взял с собой проводника, хорошо знающего местность. Маньчжур обещал догнать его. Вскоре проводник, взятый из селения, обратил внимание Николая Константиновича на костер, видневшийся неподалеку, и на группу людей, стоявших около него. Оказывается, когда-то очень давно, лет 20 тому назад, проезжавший в этих местах маньчжур обманул в торговой сделке местных жителей, и вот теперь

они решили отомстить за совершенный обман и с этой целью ждали проезда остановившегося в селении маньчжура.

Помня указания Невельского о налаживании дружеских отношений со всеми народами, обитающими в крае, Бошняк решил защитить маньчжура. Нарты были оставлены, и Иван Мосеев по приказанию Бошняка передал собравшимся, что грабить маньчжура им не дадут и чтобы они немедленно уезжали в селение. В это время Бошняк заметил догонявшего его маньчжура и стал ожидать развязки, думая над тем, потребуется ли его вмешательство. Но маньчжура беспрепятственно пропустили.

Купцу, подъехавшему к Бошняку, проводник рассказал о происшедшем. Надо было видеть радость маньчжура, когда он услышал об избавлении от грозившей опасности. Бошняк пригласил купца побывать в Николаевском посту с товарами. Маньчжур с готовностью согласился и впоследствии выполнил свое обещание.

20 ноября Бошняк прибыл в селение Самари, конечный пункт, до которого доходил Н. М. Чихачев. Отсюда Бошняк направился вдоль притока Амгуни, реки Ами к Буреинскому хребту. Пройдя более 70 километров, Николай Константинович определил свое место. Перед ним был хребет Хинган (Буреинский), исследовать который еще не удалось ни одному путешественнику.

Бошняк решил подойти ближе к горам и с этой целью проехал вперед еще около 40 километров и остановился на короткий отдых во встреченном стойбище.

Подниматься дальше в горы было крайне тяжело, да это было и не нужно, и Бошняк направил свой путь вдоль гор. Продвинувшись вперед километров на 35, путешественники набрали на большую юрту, оказавшуюся начальным пунктом перевала через хребет.

В юрте они нашли несколько человек, прибывших с реки Бурей. Они рассказали Бошняку, что здесь знают о селении русских на Амуре.

Юрта находилась вблизи главного истока Амгуни. Николай Константинович произвел необходимые определения. Выводы были самые благоприятные. По результатам определений можно было установить направление хребта. Оно оказалось совершенно не таким, каким представляли его карты. Генеральное направление хребта шло на юго-запад.

Нигде на всем протяжении своего трудного пути Николай Константинович не только не встречал, но и не слышал ни от кого о каких-либо пограничных столбах. Самые древние старики не помнили о том, чтобы такие когда-нибудь ставились.

Оставалось определить истоки реки Горин и описать озера Эворон и Чукчагирское.

Стояла очень морозная и снежная зима. Высокие сугробы мешали продвигаться. Весь путь к Хингану и вдоль него лежал по почти безлюдным районам. Нигде нельзя было хотя бы немного отогреться и дать себе спокойный отдых без риска замерзнуть. Путники всю дорогу шли пешком. Собаки выбились из сил и с трудом тащили нарты. Для них приходилось на лыжах прокладывать тропу. А морозы все крепчали. Редкую ночь температура была меньше 35—40 градусов ниже нуля. В такой страшный холод приходилось ночевать под открытым небом у нарт. Спали по очереди. Двое укутывались как можно плотнее и усталые валялись на что попало. Третий сторожил и через определенное время, в течение которого нельзя было замерзнуть, будил одного из крепко спавших товарищей. После этого засыпал сам. И так весь путь.

С большими трудностями экспедиция достигла истока реки Горин. Прежде чем отправиться описывать озера, лейтенант решил осмотреть реку Горин до тех мест, до

которых она была ранее исследована Н. М. Чихачевым. Пришлось пройти по реке больше 125 километров. На всем этом пути Бошняк ни на минуту не прекращал работы. Каждое наблюдение нашло свое отражение в полевом журнале.

Зато как приятно было сознавать, что работа выполнена до конца, когда Бошняк со своими спутниками прибыл в селение Гори. До этих мест доходил Н. М. Чихачев.

Здесь решено было сделать двухдневный привал. Бошняк за это время успел привести в порядок записи, деланные заочеченными пальцами в 40-градусный мороз.

Едва отдохнув, экспедиция вышла на север и, добравшись до протоки, ведущей в озеро Эворон, в скором времени достигла селения Сали, лежащего на южном берегу озера.

Отсюда Бошняк начал описать берегов озера. Скоро лейтенант был уже в северной части озера, в селении Дери. Собрав все сведения, касающиеся западной части озера, путешественники по речкам Эуой и Дошми достигли небольшого перевала. С этого перевала они вышли на речку Джачингда, по которой благополучно добрались до Чукчагирского озера. Обследовав и описав это озеро, по протоке Ольджикан, Бошняк направился к реке Амгуни. Протока эта, как и соседняя с ней Оликиктан, мелководна, часто пересыхает, но зато по берегам обеих проток растет хороший строевой лес.

Дальнейший путь по Амгуни был уже значительно легче. Теперь не нужно было заносить в журнал каждый свой шаг. Николай Константинович записывал только самое примечательное, пропущенное первоначально, или изредка проверял то, что вызывало сомнения.

Во всех селениях по Амгуни путешественники встречали самый радушный прием. Местные жители хорошо знали о русских, живущих в устье Амура, и с радостью

принимали заявление Николая Константиновича о принадлежности всего этого края к России и о защите их русскими.

Во время остановок в селениях Бошняк собирал сведения об условиях плавания по Амгуни и выяснил, что течение реки быстрое, глубины достаточные, порогов не имеется и поэтому на ней может быть впоследствии налажено судоходство и сплав леса, которым так богаты берега реки.

Добравшись до селения Чильви, Бошняк встретил здесь своего знакомого маньчжура, того самого, которого ему в начале путешествия пришлось выручать из беды. Маньчжур сам напомнил Бошняку о предложении взять его в Николаевск. Николай Константинович с готовностью согласился. Задание было выполнено. Не задерживаясь более нигде, лейтенант поспешил в Николаевск. Да и на редкость морозная зима подгоняла путешественников. 22 декабря показались знакомые постройки поста. Разградский, только что вернувшийся из командировки по оборудованию склада в селении Кэтово у Кизи, и Петров радостно обняли своего товарища.

Прибывший маньчжур с интересом рассматривал построенные жилища. Познакомился с товарами, которыми русские торгуют. Принимали его гостеприимно.

После посещения купца, прибывшего с Бошняком, отношения с маньчжурами изменились к лучшему. Чаше пост стали навещать и другие купцы, которых сюда привлекали имевшиеся у русских в достаточном количестве миткаль и толстое сукно, бывшие в большом ходу у местного населения.

Николай Константинович готовил отчет Невельскому о своем походе, приводил в порядок наблюдения и записи в полевом журнале и понемногу знакомился с новостями Николаевского поста, который ему снова надлежало принять. Новости были малоутешительны. На посту

свирепствовала цынга. К новому году болело около трети команды.

Местные жители доставляли команде поста свежую оленину и иногда рыбу. Доктор Орлов прилагал все свое умение, чтобы избежать печальных исходов. И все же за эту зиму умерло от цынги в Петровском и Николаевске пять человек.

Занятие залива Де-Кастри

Николай Константинович торопился с отчетом. Наступал 1853 год. Хотелось встретить его вместе со всеми друзьями. Новый год праздновали в Петровском одной дружной семьей. Приятно было сознавать, что, несмотря на огромные трудности, работы выполняются успешно. Все полны решимости довести начатое дело до конца.

Вернувшись в Николаевск, Бошняк главное внимание уделил укреплению торговых и дружественных связей с нивхами. Для того чтобы прочно обосноваться в этих местах, поддержка местных жителей была необходима. Поэтому Николай Константинович в своих отношениях с нивхами руководствовался следующими выработанными им правилами: «1) никогда не нарушать их поверьев и обычаев у них в доме, а тем более смеяться над ними, и строго следил в этом отношении за командою; 2) употреблять строгие меры только в крайних случаях... 3) следить, чтобы в торговых сделках с ними была полная свобода и чтобы не употреблялось ни малейших угроз, а тем более насилия; и, наконец, 4) приходивших с жалобой туземцев удовлетворять в несколько минут и никогда не тянуть дела».

Правильность проведения такой линии не замедлила сказаться. Влияние русских возрастало с каждым днем.

Еще более тесному сближению мешала ограниченность

товаров, имевшихся при поспе. Но и то, что удалось сделать, привело к тому, что местные жители со всякими обидами, возникавшими в процессе торговых сделок, приходили жаловаться к Бошняку. Его слово было окончательным и считалось непреложным законом.

До наступления весны вся работоспособная часть команды поста была занята на заготовке леса. Он был необходим для выполнения строительства, намеченного Невельским. Предстояло расширить помещение команды, построить два офицерских флигеля, помещение под склады, новую, более просторную баню и несколько других подсобных построек.

Работа на воздухе и свежая пища не давали свирепствовать цынге, заболевания уменьшились, а к весне и совсем прекратились.

Понемногу морозы становились меньше, чувствовалось приближение весны. Бошняку предстояло вновь отправиться в путь для установления военных постов на озере Кизи и заливе Де-Кастри.

Подготовка к официальному занятию их началась прошлой осенью. Были сделаны склады с продовольствием в селении Пуль (на Амуре) и в селении Кэтово (в двух верстах от Кизи).

Задание Бошняку не ограничивалось одним основанием постов.

Мичман Чихачев, впервые побывавший в заливе Де-Кастри, слышал от местных жителей рассказы о большом заливе, лежащем к югу. Они называли его заливом Хаджи, но на всех картах того времени после путешествия Лаперуза и на карте, составленной И. Ф. Крузенштерном, весь берег представлялся не имеющим значительных заливов, бухт и гаваней, удобных для стоянки кораблей. Открытие залива, в котором можно было бы оборудовать гавань, имело огромное значение, так как в то время на всем исследованном побережье не было известно ни одно-

го пункта, пригодного для стоянки больших морских судов.

Необходимо было полученные сведения о заливе Хаджи проверить. Также надо было исследовать всю морскую часть побережья Татарского пролива.

Попытки начать эти работы предпринимались Невельским сразу по получении известий. Он дважды снаряжал бот, который должен был решить задачу. Первый раз Н. М. Чихачев, второй раз Д. И. Орлов выходили на нем в море. Но бот не годился для дальнего плавания, плохо держался на волне. Поэтому оба раза пришлось возвращаться ни с чем.

После таких неудач Невельской решил исследовать побережье Татарского пролива на обыкновенных нивхских лодках. Для этого он приказал Бошняку после занятия залива Де-Кастри и основания там поста с открытием навигации отправиться вдоль берега на юг и обязательно дойти до неизвестного залива.

Бошняк деятельно начал готовиться к этому важному поручению. Предвидя, что поход будет труден и имея теперь уже большой опыт самостоятельных исследований, Николай Константинович тщательно вникал во все мелочи подготовки.

Особенную трудность этот поход приобретал еще и потому, что главную и основную часть его предстояло пройти на лодках. Поэтому Бошняк взял с собой смолу, сало и пеньку для конопатки и переделки нивхской лодки, чтобы какая-либо досадная недоделка не испортила всего начатого дела.

Груза собралось много, и он едва-едва уложился на трех нартах.

В спутники себе Николай Константинович выбрал испытанных товарищей: казака Семена Парфентьева, крестьянина Ивана Мосеева и казака Кира Белохвостова, впервые идущего в далекий поход вместе с Бошняком.

Все они прекрасно управляли собачьей упряжкой, могли выполнять любую работу. Привычны они были и к морю, так как уже не раз совершали и морские и большие речные путешествия по Амуру. А речные волны, когда Амур разбушует, иногда не уступают морским.

Во многом обязан Николай Константинович своими успехами неутомимости верных, сильных и умелых спутников.

В сборах принимал активное участие и Геннадий Иванович, прибывший специально с этой целью в Николаевск. К середине февраля все было готово. Склады по пути поставлены. Березин доносил, что он занят в Кэтово заготовкой леса совместно с нивхами для постройки будущего поста на озере Кизи.

15 февраля после напутственного слова Невельского три нарты Бошняка отправились в путь.

Бошняк учитывал, что путь предстоял далекий и тяжелый, груз нужно было во что бы то ни стало довести до залива Де-Кастри. Поэтому он не торопил собак, которым было и так нелегко тащить перегруженные нарты.

Только 23 февраля Бошняк добрался до селения Пуль (Пуля). Продвижению помешала пурга, которая застала путников в дороге. Она была настолько сильна, что Бошняку, чтобы не заблудиться, пришлось переждать ее в стойбище Аучи.

В селении Пуль Бошняку пришлось опять задержаться гораздо дольше, чем он предполагал. Местные жители рассказали ему, что на всем дальнейшем пути будет очень трудно доставать корм для собак. Поэтому, боясь, что имевшегося корма, хотя и пополненного, может нехватить для 30 собак, Бошняк отправил нарты со своими спутниками назад в селения, богатые рыбой, а сам решил дожидаться их здесь.

Во время этой непредвиденной стоянки Бошняк ста-

рался узнать, как относятся забредающие сюда маньчжуры к обоснованию русских в Кизи и заливе Де-Кастри, и ему удалось выяснить, что у них нет враждебных намерений. Что же касается местных жителей, то они старались, чем только могли, помогать русским.

26 февраля вернулись Белохвостов, Парфентьев и Моисеев и сообщили, что они привезли корму на неделю. Теперь образовался запас, которого должно было хватить на целых десять дней пути, до залива Де-Кастри.

На следующий день вышли в дальнейший путь. Несмотря на тяжело нагруженные нарты, собаки несли их легко. Дорога была хорошей. Плотный снег почти не оставлял следа.

Вдруг нарта, на которой были Бошняк и Парфентьев, осела, лопнули крепления, не выдержавшие большого груза. Временно, кое-как на ходу, исправили повреждение. Но двигаться быстро было уже нельзя. Только к вечеру добрались до селения Аури. Весь следующий день ушел на ремонт нарты.

Досада за потерянный день вознаграждалась, правда, тем, что впервые за все пребывание Бошняка на Дальнем Востоке ему удалось посмотреть шамана во время его заклинаний. Вот как описывает Николай Константинович эту сцену:

«Шаман, с бубном в руках, долго сидел на одном месте, слегка ударяя в бубен и тихо припевая, потом вскочил, глаза его помутились и покраснели; сильно ударил он в бубен и с громким припевом и разными кривляньями выбежал на улицу. Долго бил он там в бубен, кривлялся и кричал, потом, вбежав в юрту, начал жадно глотать приготовленные в углу горячие уголья, причем провожавший его маньчжур ударял в бубен. Давши шаману поплясать несколько времени, провожавший его маньчжур вдруг посадил его на землю совершенно одуревшего. Поднесли ему жаровню с угольями, и он начал

их снова глотать, запивая из обыкновенных наперстных чашечек крепким спиртом. По окончании этой сцены маньчжур предложил шаману несколько вопросов. Ответив на них, шаман опять вскочил, начал кричать, валяться по полу и бить себя по щекам; наконец у него взяли бубен, зажали ему нос пальцами и совершенно бесчужденного положили на лавку».

Потрясенный этим тяжелым зрелищем, Николай Константинович долго не мог уснуть.

Рано утром, на следующий день, путники вышли в Кэтово и через день, второго марта, были на месте. Все запасы, оставленные у местного жителя старика Ойсы мичманом Разградским, были в полной сохранности. Сказалось еще раз то влияние, которое завоевали участники экспедиции Невельского среди местного населения.

В награду за сохранение запасов Бошняк подарил старику наиболее необходимые ему предметы.

Так как забрать сразу все сложенные здесь запасы было не под силу, то Бошняк разбил их на три части, две из которых оставил у Ойсы до лучшего времени, а третью погрузил на нарты.

Переход к заливу Де-Кастри с полным грузом занял двое суток, во время которых ночевать приходилось под открытым небом. 5 марта прибыли в тот пункт залива Де-Кастри, где Бошняк летом 1852 года наметил место для основания поста. Здесь их встретил назначенный при первом посещении староста Ничкун, через которого Николай Константинович передал распоряжение всем нивхам собраться.

Парфентьев и Белохвостов приготавливали в это время высокую мачту из тонкого дерева, прилаживая на ее вершине блок и пропуская шнур с прикрепленным к нему русским военно-морским флагом.

Очень скоро собравшиеся жители увидели высоко

взвившийся Андреевский флаг и слышали залпы ружей. Через переводчика Бошняк заявил, что с сего времени места эти являются принадлежностью России и что русские теперь здесь поселятся, будут защищать нивхов от всяких притеснений и принимают их под свое покровительство.

Для временного жилища решили утеплить стоящий на берегу реки шалаш. Очистив его от снега, обтянули палаткой, щели в шалаше заткнули травой. Целый месяц затем этот шалаш служил жилищем команды поста на берегу залива Де-Кастри.

На следующий день Бошняк написал короткое донесение Невельскому о своих действиях и отправил его с Парфентьевым и Белохвостовым, которые уходили за второй частью запасов, оставленных у старого Ойсы. Казакам было приказано отправить из Кэтово как можно быстрее доклад Невельскому, пользуясь любой оказией. Сам же Бошняк вместе с Иваном Мосеевым, наняв нивхов, отправился на заготовку леса для строительства первого дома.

В свободное от работы время Николай Константинович посещал местных жителей, расспрашивая их о характере побережья Татарского пролива к югу от залива Де-Кастри.

Рассказы нивхов все больше убеждали Бошняка в правильности действий Невельского. Становилось ясно, что не только никаких вооруженных сил маньчжур или других народов здесь нет, но и никогда не имелось.

Вместе с Парфентьевым и Белохвостовым 9 марта неожиданно прибыл от Невельского мичман Григорий Данилович Разградский с запасами продовольствия и последними указаниями, касающимися похода к югу, суть которых сводилась к следующему: уходя к югу, оставить при poste казака, снабдив его на случай прихода иностранных кораблей объявлением о принадлежности к Рос-

сии всего края до корейской границы, обеспечиваться отряд будет через Березина и Разградского; при первой возможности взамен Бошняка будет прислан в залив Де-Кастри другой офицер.

Разградский на следующий день, захватив донесение Бошняка, уехал обратно. Поскольку предстоял морской поход, собаки теперь были не нужны, и они, за исключением нескольких, оставленных для подарков местным жителям, были отправлены также с Разградским.

Для Бошняка и его спутников наступила горячая пора.

Открытие Императорской Гавани

Поручив казакам заботу о постройке дома, сам Николай Константинович отправился в селение Кэтово, где осмотрел почти все нивхские лодки, выбирая себе такую, которая смогла бы выдержать длительное морское плавание. На это да на торговую сделку ушло двое суток. Лодка была куплена самая большая по размерам (6 метров длины) и самая прочная из имевшихся.

Дождавшись обоих казаков, которым было приказано через двое суток явиться в Кэтово, Бошняк решил перетащить лодку к морю волоком. Помочь согласились и двое нивхов из Кэтово. На третий день лодка была рядом с шалашом и заготовленным лесом для будущего дома.

Теперь общими силами надо было всерьез заняться постройкой настоящего жилья. С утра и до позднего вечера был слышен стук топоров. Мастера на все руки Белохвостов, Парфентьев и Мосеев возводили сруб.

Бошняк также не терял времени. Как моряк он больше всего занимался ремонтом и переоборудованием лод-

ки. Это, однако, не мешало ему помогать строителям. Не обладая сам плотничьим искусством, он собирал мох для прокладки пазов и утепления дома на берегу залива.

Перерыв делали только с наступлением темноты да днем на обед. К обеду обычно готовили уху, иногда щи, вместо хлеба пекли лепешки на рыбьем жире.

Ровно через месяц после прибытия перебрались наконец в первый дом Александровского поста (так был назван пост в заливе Де-Кастри).

Окна вместо стекол затянули миткалем, устроили нары, стол, полки для товаров и печь из глины, которую сразу же приспособили для выпечки хлеба взамен уже приевшихся лепешек.

Чувствовалось скорое приближение весны. Залив начал освобождаться ото льда. Надо было окончательно готовить все для похода к югу. В лодке устроили приспособление для паруса. Для большей защиты от волн нашили фальшборта.*

В это время Бошняку представилась возможность отправить очередное донесение Невельскому о проделанной работе. В распоряжение Бошняка прибыл горный штейгер с тунгусом Афанасием. Первых гостей потчевали так, чтобы не ударить лицом в грязь. «Это было первое угощение в первом домике русского образца на берегах Татарского пролива», — вспоминает Николай Константинович.

Горный штейгер должен был оставаться на посту во время похода Бошняка к югу. А тунгуса Афанасия Бошняк задерживать не стал и отправил к Невельскому с обстоятельным докладом.

В ожидании полного очищения бухты ото льда Бошняк добывал от местного населения новые и новые све-

* Фальшборт — обшивка борта, служащая защитой от захлестывания волной.

дения о предстоящем маршруте. С наступлением ледохода нивхи стали все чаще и дальше уходить на тюлений промысел, откуда и привозили последние данные. А один из них, побывавший в районе залива Хаджи, так обстоятельно описал Николаю Константиновичу отдельные приметные мысы и бухточки, что он составил по ним план и успешно использовал его при плавании.

Из распросов Бошняк предположил следующее. По карте Крузенштерна примерно на 49-м градусе северной широты были нанесены два острова. Сообщения о них представили Лаперуз и Браунтон. А по всем собранным от нивхов сведениям выходило, что никаких островов там не существует. Поэтому Бошняк решил именно на этой широте искать залив Хаджи, местность при входе в который могла быть ошибочно принята за остров.

Одновременно с подготовкой к походу и сбором сведений Бошняк производил все возможные по условиям научно-исследовательские работы. Для наблюдения приливо-отливных явлений установили футшток.* Постоянно измерялась температура, сила и направление ветра, производился промер глубин залива.

Весна стояла теплая, 21 апреля пошел первый дождь. Залив в открытой части очистился полностью ото льда. Можно было отправляться.

28 апреля Бошняк, Парфентьев, Белохвостов и Моисеев отплыли. Сразу же в заливе стало ясно, что, несмотря на поставленные фальшборта, идти навстречу даже небольшой волне невозможно: просачивалась вода, и создавалась угроза для лодки.

Видневшийся недалеко обрывистый мыс Орлова (Клостер-Камп) обогнуть не удалось. Держать пришлось в южную гавань залива, почти сплошь забитую берего-

* Футшток — деревянный шест, разбитый на футы для определения колебания уровня моря.

вым припаем. Лодку вытащили на лед и по нему на узкий низменный перешеек, соединяющий мыс Орлова с материком.

Разгрузив лодку, стали ее капитально переделывать с учетом обнаруженных недостатков. На все это ушло трое суток и, наконец, 2 мая удалось выйти по намеченному маршруту.

Шли вблизи от берега, огибая все мысы и бухты и описывая их. Это необходимо было делать потому, что во всех этих местах ни разу до экспедиции Бошняка не ступала нога европейца. Передав управление лодкой своим спутникам, Николай Константинович все внимание сосредоточил на наблюдениях и записях.

К вечеру того же дня прибыли в первое встреченное по пути селение Дугу. Это селение расположено в устье речки Дуй, сразу же за двумя небольшими островками, густо покрытыми птичьими гнездами. Два дня провели в селении, обстоятельно знакомясь с жителями и подробно описывая окрестности. Бошняк произвел астрономические наблюдения и весьма точно определил устье реки Дуй.

Ранним утром 5 мая, пользуясь попутным небольшим северо-восточным ветром, Бошняк вышел из Дугу. К исходу того же дня прибыл в селение Хой, расположенное около реки и мыса того же наименования. В селении Николаю Константиновичу пришлось еще раз убедиться в правоте предпринимаемых Невельским решительных действий.

Здесь ему довелось встретиться со шкипером китобойного судна, промышлявшего в Татарском проливе. Из-за недостатка в свежей провизии тот решил встать на якорь и попытать счастья на берегу, в первом попавшемся селении. При знакомстве выяснилось, что шкипер Бергстрем родом из Бремена, будучи на Сандвичевых островах, узнал, «что американцы нынешним летом соби-

раются быть в Татарском проливе, чтобы занять здесь бухту для основания пристанища для китобойных и других судов, посещающих эти места».*

Пришлось объяснить шкиперу для передачи всем другим мореплавателям, которых он встретит, что Россия владеет этими землями и выставляет здесь свои посты. Для большей убедительности Бошняк изложил свое заявление письменно.

Сведения, полученные в селении Хой, были так важны, что Николай Константинович решил на следующий день с нарочным отправить к Невельскому донесение. Местные жители, которых Бошняк упрашивал за самые дорогие подарки срочно доставить донесение в Николаевск, диву давались, что может быть такого важного в «писке» (как они называли все написанное на бумаге) и почему она так дорого ценится.

В этот же день донесение было отправлено. Отдохнув в селении, собрав необходимые сведения и пополнив свои запасы рыбой и дикими утками, отправились в дальнейший путь.

В море дул довольно свежий ветер, приходилось идти осторожно, искусно лавируя у прибрежных камней. Селения по пути не встречались, на ночь выбрали на пустынный берег и развели костер. Спали поочередно на медвежьих шкурах, завернувшись в дохи.

На следующий день подошли к селению Сюркум, находящемуся недалеко от высокого, утесистого, вдающегося далеко в море приметного одноименного мыса. Селение Сюркум расположилось близ устья речки того же наименования. От селения до мыса берег низкий, двумя косами образующий обширную, но мелководную бухту. Жителей в этих местах очень мало. Неподалеку от мыса

* Г. И. Невельской, Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России, Географиздат, 1947, стр. 206.

Сюркум находится мыс Аукан и одноименное селение и речка. Для мореплавателей оба эти мыса, и особенно первый, представляют значительный интерес в качестве важного опорного пункта. Поэтому Бошняк описал все эти места с исключительной тщательностью.

Весь дальнейший берег до мыса Датта (Лессепс-Датта) сравнительно невысок и имеет несколько приметных, обрывистых гранитных мысов, покрытых осинником, кедрами и елями.

Обогнув высокий выделяющийся мыс Датта, путешественники избавились от преследовавшего их северо-восточного ветра, вступив в бухту, окаймленную широким раскидистым галечным и песчаным пляжем. Цвет воды в бухте заметно отличался от обычного цвета морской воды в Татарском проливе и был желтоватого оттенка, указывавшего на наличие в этих местах крупной впадающей в море реки.

Проехав около пяти километров от мыса, окруженного несколькими грядами опасных для плавания камней, Бошняк со своими спутниками вошел в устье реки Тумнин, впадающей в море двумя сходящимися протоками. Здесь они обнаружили самое большое на побережье селение Датта, что на языке местных жителей обозначает «устье реки».

Это селение раскинулось по обоим берегам Тумнина. Население жило в нем не только в летнее время, когда можно добывать и морские и речные породы рыб, но и зимой, так как в лесах по берегам реки в изобилии водились соболи, лисицы, выдры и лоси.

За время пребывания в селении Датта Бошняк описал все окрестности, а через расспросы выяснил, что река Тумнин течет на протяжении около 630 километров и принимает в себя много притоков, благодаря чему может служить хорошим путем как зимним, так и летним на Амур.

Учитывая, что запасов сухарей оставалось немного, Николай Константинович часть их оставил в селении Датта у одного из местных жителей, гостеприимно их встретившего. Без хлебных запасов обратный путь был бы весьма затруднителен. Не задерживаясь долго в Датте, Бошняк после астрономических определений места продолжал свое движение к цели. Теперь по всем признакам она была уже недалеко.

Следующий привал сделали в стойбище, расположенном на берегу небольшой бухты Джуанко (Дюанка). Жители стойбища сообщили Бошняку, что до залива Хаджи осталось не более двух дневных переходов байдарой. Они же рассказали о всех приметных местах, причем подтвердились полностью сведения, полученные от жителей залива Де-Кастри и Датты.

Последний участок пути преодолевали очень медленно, хотя по прямой расстояние было короткое. Много времени заняла опись берега, изрезанного различными бухтами и заливами. 49-я широта, где, по предположениям Бошняка, можно было ожидать появления залива Хаджи, приближалась.

23 мая (4 июня) 1853 года Николай Константинович и его отважные спутники подошли к едва возвышающемуся над водой перешейку. Вдали от него берег снова резко повышался, а за перешейком виднелась обширная гладь воды, образующая как бы широкое и длинное озеро.

По всем признакам это был именно тот залив, о котором ходило столько слухов. Вход в него должен был быть несколько южнее, но путешественники решили сократить путь. Дружными усилиями перетащив лодку, они оказались в совершенно закрытой бухте тянувшейся в юго-западном направлении. Берега ее густо поросли лесом. За перешейком в море была свежая волна с юго-востока. Здесь же вода была совершенно спокойна.

Уже неподалеку от перешейка глубины оказались более 3,5 метра.

Взволнованный от нахлынувших на него чувств, Николай Константинович скомандовал: «Шапки долой!»

Радостно было на душе. Он, молодой русский морской офицер, сумел доказать, что самая новейшая по тому времени карта Крузенштерна не соответствует действительности, что, кроме открытого Лаперузом залива Де-Кастри, на побережье Татарского пролива существуют еще заливы, гораздо большие его по размерам и совершенно несравнимые по удобствам для флота.

Первую бухту, в которую попали путешественники, Бошняк назвал Александровской.*

При выходе из нее перед взором путешественников открылся обширный спокойный и укрытый высокими гористыми берегами залив. Между двумя мысами виднелась полоса воды. Это был вход в залив Хаджи, один из лучших заливов мира.

Николай Константинович решил пересечь залив, чтобы начать исследование его со стороны входа с моря. При подходе к противоположному берегу путешественники увидели небольшой скалистый островок,** за которым лежала бухта, разделенная невысоким пологим мысом на две части. В ней и решили расположиться на ночевку. Вблизи ручья, впадающего в восточную часть бухты***, обнаружили пустой шалаш, который и стал первым убежищем путешественников.

Несмотря на то, что в продовольственной сумке осталась только сахарная пыль, немного чаю и гороху, на следующий день Бошняк приступил к описанию открытого им залива. За неделю пребывания в заливе Бошняк обошел на лодке все побережье и выяснил, что залив Хаджи

* Теперь бухта Северная.

** Теперь остров Устрица.

*** Теперь бухта Лососина.

имеет ряд бухт, каждая из которых может стать вполне самостоятельным укрытым местом для судов всех рангов. Предварительный промер показал, что глубины в заливе большие, мелей нет.

В залив впадают две довольно крупные реки: Большая Хадя (теперь Советская), впадающая в собственно залив Хаджи, и река Май (Ma), впадающая в лучшую бухту залива, — Ма, названную Бошняком Константиновской.

Собственно бухта Хаджи, главная и наиболее обширная часть залива, была названа Бошняком бухтой императрицы Александры. Все остальные бухты, лежащие главным образом в южной части залива, также получили свои названия.

После описи этой части залива путешественники попали в длинную зигзагообразную бухту, совершенно укрытую от ветров любого направления. Лучшего, чем создала здесь природа, кажется, трудно было бы специально придумать. Колена этой бухты, образуемые с одной стороны материком, а с другой — полуостровом, являются по глубинам и грунту лучшими местами для стоянки судов.

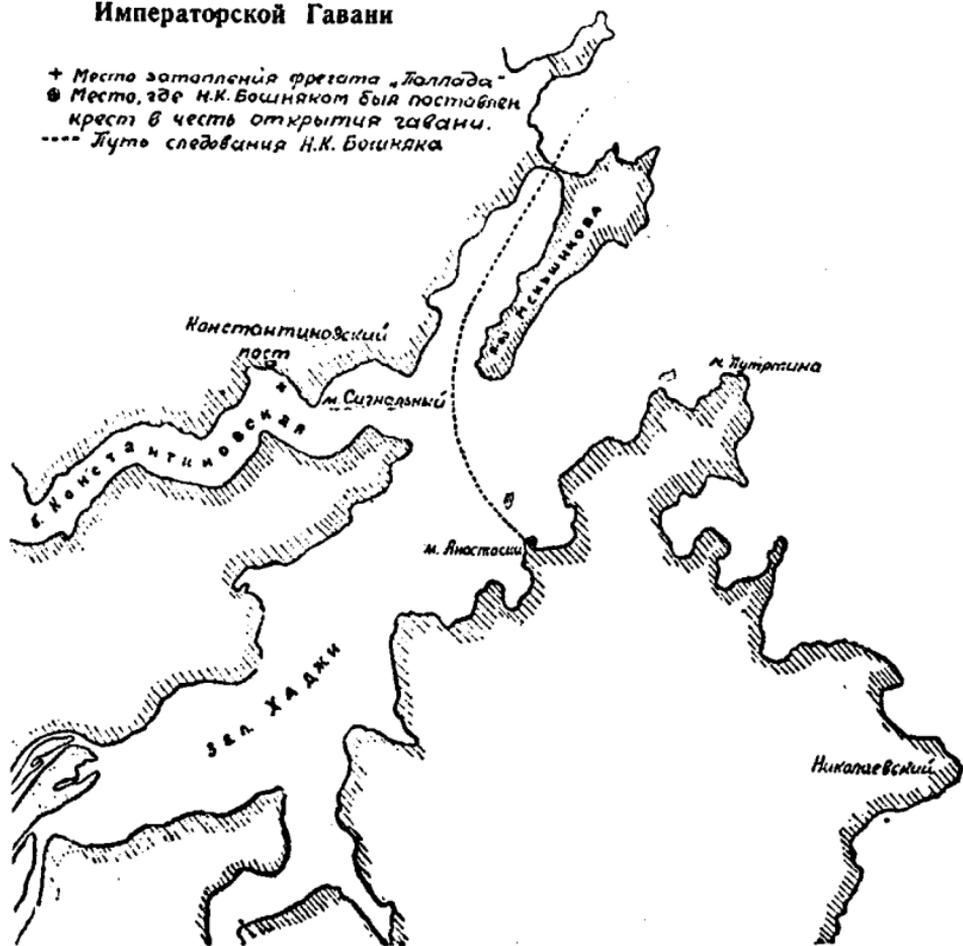
Николай Константинович, попав сюда, сразу же выбрал место для обоснования поста. Оно находилось за высоким обрывистым мысом, получившим впоследствии название мыса Сигнального, а бухта была названа Константиновской.

Встречая кое-где местных жителей, Николай Константинович узнал от них, что никакому государству они не подчиняются и ясак не платят. Бошняк объявлял жителям, что весь этот край находится под властью русского царя, и просил их собраться.

Всего жителей Бошняк по побережью залива насчитал не более 50 человек. Резко бросалась в глаза их отсталость даже по сравнению с амурскими нивхами. Жили они в плохо сделанных шалашах, летом ловили рыбу

СХЕМА Императорской Гавани

- + Место затопления фрегата „Лаллада“
- ⊙ Место, где Н.К. Бошняком была поставлен крест в честь открытия гавани.
- Путь следования Н.К. Бошняка

в заливе Хаджи, зимой уходили на реку Тумнин для промысла лося и пушнины. Связи с другими народностями почти не имели, торговлей не занимались, лишь изредка высылали лодку в Кизи через залив Де-Кастри за самыми необходимыми жизненными предметами.

Одновременно с этим Николай Константинович собрал от местных жителей очень богатый и важный материал о побережье Татарского пролива к югу от залива Хаджи до реки Самарги.

Невельской собрался на следующий год отправить туда Бошняка, поэтому он уже сейчас пользовался случаем получить предварительные сведения.

Ему удалось также разузнать и про зимние и летние пути, которыми пользуются при походах к Амуру.

Тщательно проверив правильность нанесения береговой линии на вычерчиваемую им карту, Бошняк со спутниками возвратился к тому же мысу*, близ которого был сделан первый привал. Дальнейшее пребывание в заливе становилось затруднительным. Продукты закончились. Жили только на камбале да на юколе. Начавшиеся дожди мешали более обстоятельной и подробной работе. Поэтому Бошняк решил заканчивать описание и приказал своим спутникам приготовить большой крест и рыть для установки его яму. Сам же он принялся за вырезку на поперечине креста надписи.

Население залива понемногу собиралось вокруг шалаша Бошняка. Когда все было готово, стали устанавливать добротный сбитый казаками крест.

Скоро он уже прочно стоял на мысу. Надпись на его поперечине гласила: «Гавань Императора Николая, открыта и глазомерно описана лейтенантом Бошняком 23 мая 1853 года, на туземной лодке, со спутниками

* Мыс Анастасии между бухтами Лососина и Маячная, сразу за островом Устрица.

казаками Семеном Парфентьевым, Киром Белохвостовым, амгинским крестьянином Иваном Мосеевым».

В торжественной тишине Бошняк объявил о принадлежности залива России и о том, что жители принимают ее под ее защиту и покровительство. Одному из них, назначенному старшим, Бошняк передал официальную бумагу, написанную на русском, немецком и французском языках с аналогичным заявлением и просил предъявлять ее всем приходящим в залив судам. Он просил также показывать всем поставленный крест и тщательно охранять его.

31 мая теперь уже через настоящий выход из залива, а не через перешеек, отправились в обратный путь. Дул южный попутный ветер, и натянутый парус быстро гнал лодку. По дороге питались одной рыбой. Опись побережья была уже произведена, поэтому плыли без задержек.

Придя в Датту, остановились на ночевку и как могли пополнили продовольственные запасы рыбой и ягодами.

Погода благоприятствовала дальнейшему пути. Путешественники останавливались на ночь там, где она их застигала. Так продолжалось шесть суток. Только 8 июня Бошняк и его спутники добрались до своего шалаша на мысе Орлова.

Бошняк сразу же принялся за составление короткого отчета, проверял журнал и вычерченные карты. Оба казака и Мосеев принялись за наведение порядка в хозяйстве. 10 июня Парфентьев отправился в Петровское с докладом Невельскому.

Николай Константинович занялся обследованием реки Самынь (Сомон), впадающей в бухту того же наименования. Белохвостов и Мосеев достраивали дом и копали землю под огород, на котором решено было испытать привезенный картофель.

Бошняку удалось пройти по речке на лодке не больше четырех километров. Пробраться дальше из-за мелководья и каменистого дна было невозможно.

Прошла неделя, и 18 июня Бошняк радостно встретил мичмана Разградского, который, согласно предписанию Невельского, прибыл для его смены. Разградский передал Бошняку приказание немедленно для личного сообщения явиться в Николаевск. Николай Константинович уже на следующий день со своими спутниками вышел в путь.

На озере Кизи путешественников ждала шлюпка, и в скором времени они прибыли в Кэтово.

Еще в заливе Де-Кастри Николай Константинович чувствовал легкое недомогание. Сказывались лишения, перенесенные во время похода, а сейчас ему стало значительно хуже. Товарищи предлагали задержаться в Кэтово, чтобы дать возможность Бошняку поправиться, но тот не соглашался и настойчиво двигался вперед, изредка останавливаясь в попутных селениях, когда болезнь обострялась. Но, как только становилось легче, Николай Константинович сразу же приказывал продолжать путь. Почти месяц длилось это плавание по Амуру. Только 25 июля Бошняк со спутниками прибыл в Николаевск, где был радостно встречен всеми жителями поста, так как прибывший сюда Парфентьев успел оповестить их о результатах экспедиции.

Установление постов на Сахалине

Невельского в Петровском не было. Совершенно больной Николай Константинович попал под попечительство начальствовавшего в Николаевске мичмана Петрова, который старался облегчить, чем мог, его состояние.

За время отсутствия Бошняка произошли большие перемены, и ему пришлось выслушать много новостей. Прежде всего стало меняться отношение правительства к деятельности Амурской экспедиции. Если раньше она казалась пустой затеей и даже делом опасным и невыгодным, то теперь воочию все стали убеждаться в том, что экспедиция решает важные государственные вопросы, которым должна быть оказана поддержка. Признанием этого явилось награждение Невельского, Бошняка и других офицеров и утверждение штата Амурской экспедиции. В переданных Невельскому предписаниях предлагалось главное внимание экспедиции обратить на Сахалин.

Поставленный перед необходимостью выполнить распоряжения правительства относительно Сахалина, Невельской вместе с тем решил, приняв всю ответственность на себя, обосновать военный пост в открытой Бошняком Императорской Гавани и тем самым поставить правительство перед совершившимся фактом.

Чтобы прочно обосноваться на острове Сахалине, генерал-губернатор приказал выделить из камчатской команды 100 человек при двух офицерах. Для доставки отряда, а также срубов домов, приготавливаемых в Аяне, Муравьев командировал состоявшего при нем майора Н. В. Буссе.

Как часто бывает, вокруг большого, получившего известность дела появились случайные люди, которым были совершенно безразличны истинные цели экспедиции, для них было главным то, что там, куда обращено внимание правительства, можно основательно нажиться и составить себе блестящую карьеру.

Одним из таких людей и являлся майор Буссе. Воспитанник лажеского корпуса и придворный шаркун он по протекции был направлен с царскими наградами к генерал-губернатору Восточной Сибири в Иркутск. Там его и застало предложение Н. Н. Муравьева отобрать и доста-

вить с Камчатки в Петровское команду для отправки на Сахалин. Буссе показалось, что это будет не представляющая никакого труда очаровательная морская прогулка во главе сотни казаков и матросов. Но действительность оказалась гораздо сложнее. По целому ряду причин, зависящих как от деятельности Российско-Американской компании, так и от плохой организации дела со стороны Буссе, доставка команды в Петровское последовала позже намеченных сроков. Времени на подготовку к дальнейшему плаванию осталось очень мало. Невельской приказал в связи с этим майору Буссе, как сухопутному офицеру и как человеку, уже познакомившемуся с личным составом, возглавить высадку сахалинской команды. Непредвиденная задержка не входила в планы Буссе. Но он смирился с нею, надеясь, что операция совершится быстро, а затем в ореоле славы и почета он, Буссе, возвратится в Петербург в роли покорителя и завоевателя Сахалина. Однако, привыкший держаться буквы закона, Буссе терялся всякий раз, когда требовалось предпринять самостоятельные действия.

Невельской пишет по этому поводу: «Он удивлялся, почему я, ничтожный смертный, не исполняю в точности и буквально всех инструкций, которые он привез; но ему это простительно, потому что он до того времени, кроме Петербурга, ничего не видал и не знал местных условий».

Он многому удивлялся и никак тоже не мог понять дружеского и как бы родственного моего обращения с моими сотрудниками-офицерами. Он никак не мог допустить, чтобы начальник, облеченный огромной самостоятельной властью, каковым я был тогда в крае, мог дозволить подчиненным ему офицерам рассуждать с ним, как с товарищем, совершенно свободно разбирать все его предположения и высказывать о них с полной откровенностью свое мнение. Н. В. Буссе было чуждо и непо-

нятно, что всякая в то время командировка офицера для исследования края была совершаема вне повеления, почему и лежала единственно на моей ответственности, и что при каждой такой командировке посланный офицер должен был быть проникнут чувством необходимости и полезности ее для блага Отечества. Я должен был одушевлять моих сотрудников и постоянно повторять им, что только при отчаянных и преисполненных опасностей и трудностей действиях наших мы можем не только предупредить потерю края, но и привести правительство к тому, чтобы он навсегда был утвержден за Россией. Вот что нас связывало всех как бы в одну родную семью. Весьма естественно, что это было непонятно не только Буссе, но и высшим распорядителям в С.-Петербурге».*

Это высказывание Невельского характеризует не только Буссе, но и ту замечательную атмосферу дружбы, товарищеской спайки, любви к Родине, которая царила в Амурской экспедиции.

14 июля Г. И. Невельской с Д. И. Орловым и 15 человеками команды вышли на «Байкале» в рекогносцировочный поход вокруг Сахалина, чтобы отыскать удобные заливы, а также основать военный пост в Императорской Гавани. Не найдя на Сахалине сколько-нибудь удобных мест для стоянки судов, Невельской отправился в Императорскую Гавань, где и обосновал 4 августа в бухте Постовой Константиновский пост из восьми казаков временно во главе с унтер-офицером Хороших.

Между тем Н. К. Бошняк, поправившийся в Николаевске, снова принял начальство над постом, а Петров, согласно приказанию Невельского, отправился в селение Кэтово для официального его занятия и обоснования в Кизи Мариинского поста.

* Г. И. Невельской, Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России, Географиздат, 1947, стр. 226—227.

8 августа прибыл в Николаевск Г. И. Невельской, с которым Бошняк не виделся с момента своего ухода в экспедицию к Императорской Гавани. Геннадий Иванович радостно встретил своего молодого сотрудника и сразу же посвятил его во все свои дальнейшие планы, в которых большая работа выпадала и на долю Николая Константиновича: во-первых, он должен был участвовать в обосновании поста на Южном Сахалине, во-вторых, он назначался начальником Константиновского поста в Императорской Гавани.

На следующий день Невельской уехал в Петровское, приказав Бошняку быть готовым в любой момент сдать Николаевский пост мичману Разградскому, прибывающему вскоре из Александровского поста. Остававшийся там Петров должен был вести в эту зиму наблюдение за обоими постами: Александровским и Мариинским.

Спутники Бошняка, казаки Парфентьев и Белохвостов, узнав, что Николай Константинович назначен начальником Константиновского поста, явились к нему с просьбой взять их с собой. Отказать им Бошняк не мог да и не хотел, и обещал выполнить их просьбу.

За два года Николаевский пост, первым начальником и строителем которого был лейтенант Бошняк, разросся. В непроходимой тайге вдоль берега протянулась улица, правда с кочками, рытвинами, пнями и ухабами, но все же первая улица. Строительство продолжалось. Стало известно, что главная квартира, штаб экспедиции, согласно предписанию генерал-губернатора, переносится из Петровского в Николаевск.

26 августа Бошняк, сдав начальство над постом прибывшему мичману Разградскому, сам отправился в Петровское.

Через три дня на оленях он уже подъезжал к знакомым домам, которых не видел несколько месяцев. Явившись прямо с дороги к Невельскому, Николай Констан-

тинович застал там только жену Невельского, которая сообщила, что Геннадий Иванович находится в Аяне, куда он ушел на транспорте «Николай I» вместе с прибывшим Буссе за дополнительным продовольствием и снаряжением для сахалинской экспедиции.

Буссе, решивший, что у Невельского все есть, почти ничего не сделал для обеспечения успешного плавания. Поэтому-то Невельскому и пришлось срочно выйти в Аян.

4 сентября Г. И. Невельской вернулся на «Николае I»; вместе с ним прибыл транспорт «Иртыш». Суда привезли около 15 тысяч пудов различных грузов.

Николай Константинович между прочими делами замолвил перед Невельским слово за своих казаков и получил его разрешение взять Парфентьева и Белохвостова с собой.

Начался сентябрь и поэтому надо было очень спешить. Осеннее время и связанная с ним штормовая погода могли помешать успешному окончанию намеченных на 1853 год мероприятий и вследствие этого задерживаться в Петровском было совершенно невозможно.

Вскоре все полностью было готово к выходу. Из офицеров, кроме Буссе, назначенного командующим сахалинской экспедицией, шли лейтенант Рудановский с камчатскими морскими командами и лейтенант Бошняк, назначенный Невельским командиром группы поддержки. Общее командование возглавлял сам Невельской.

Ожидать разгрузки транспорта «Иртыш» не стали. Невельской приказал командиру его, лейтенанту Гаврилову, по окончании разгрузки следовать в Аниву (на Сахалине), где предполагалось установить военный пост. Если же, по каким-либо обстоятельствам, десант не будет высажен, то «Иртышу», при невозможности ввиду осеннего времени возвратиться в Петропавловск, над-

лежало следовать для зимовки в Императорскую Гавань.

При этом Невельской дал майору Буссе специальное распоряжение обеспечить «Иртыш» всем необходимым для зимовки в неизвестной, только что открытой Императорской Гавани. Вероятно, майор Буссе в этот же день и забыл об отданном ему приказании, ибо ничем другим, как совершенным равнодушием к работе экспедиции, нельзя объяснить ту исключительную беспечность Буссе к судьбе товарищей, которая впоследствии сказалась на трагической зимовке в Императорской Гавани.

7 сентября транспорт «Николай I» снялся с якоря и взял курс на мыс Елизаветы, северный мыс острова Сахалина. Пройдя его, продолжали идти тем же восточным курсом. Командир «Николая I» Клинковстрем только пройдя 150 миль решил повернуть на юг, так как боялся, что свежие восточные ветры могут прижать судно к сахалинскому берегу или заставят дрейфовать в море. Попутных ветров во время плавания не было, так что переход до мыса Терпения из-за этого затянулся до 13 сентября.

Николай Константинович во время перехода вместе с лейтенантом Рудановским наряду с тремя штурманами транспорта нес штурманскую вахту.

От мыса Терпения пошли вне видимости берега и к утру 17 сентября подошли к мысу Анива. Отсюда направились по приказанию Г. И. Невельского к мысу Крильон, так как по договоренности с Д. И. Орловым, высаженным с «Байкала» на Сахалин, он должен был в середине сентября подойти к мысу Крильон и на восточной стороне его ожидать прихода транспорта «Николай I».

Подойдя к мысу Крильон, стали стрелять из пушек, а днем поднимали условные сигналы. Однако двухсуточное плавание у мыса для встречи с Орловым оказалось тщетным, поэтому Невельской решил идти в глубь зали-

ва Анива, туда, где 47 лет тому назад Хвостовым и Давыдовым был высажен первый русский пост.

Вдоль всего берега залива не было найдено ни одной бухты, удобной для стоянки судна. Поэтому принимается решение следовать к селению Тамари-Анива.

20 сентября вечером при штилевой погоде «Николай I» отдал якорь милях в трех от берега, на котором было замечено много бегающих огней. На некотором возвышении огни были постоянные и расположены таким образом, что наводили на мысль о наличии батарей. Было заметно, что появление корабля немало встревожило жителей селения. Учитывая это, Невельской приказал усилить наблюдение за берегом. Однако к полуночи огни на берегу потухли, и ночь прошла совершенно спокойно.

Утром удалось рассмотреть холмистый, поросший мелким лесом, берег. Правее транспорта выделялся мыс, от которого на большое расстояние тянулся риф. В этом мысе опознали по описанию Крузенштерна и его карте мыс Тамари-Анива.

Чтобы не утомлять матросов продолжительной греблей, снялись с якоря и приблизились к берегу на полторы мили. Отсюда Невельской решил начать рекогносцировку окрестностей Тамари-Анива, чтобы найти подходящее место для основания поста.

Были подготовлены две шлюпки. Одной командовал сам Невельской, второй — Бошняк. На шлюпке вместе с Невельским шел Буссе. Невельской знал, что на юге Сахалина, привлеченные большими рыбными богатствами, начали обосновываться японские рыбопромышленники. На случай вооруженного сопротивления японцев всем матросам было приказано иметь при себе ружья с запасом патронов. Однако, чтобы не возбудить излишних тревог, Невельской приказал закрыть ружья брезентом.

Во время нахождения Невельского и Буссе на берегу Бошняк должен был командовать обеими шлюпками, держаться на веслах вблизи берега и быть готовым всегда дать условный сигнал на транспорт и итти на помощь Невельскому и Буссе.

Двукратные попытки найти место для высадки к востоку от японских построек, во время которых айны встречали русских знаками мира и дружбы, не дали положительных результатов. Тянувшаяся вдоль берега песчаная отмель не позволяла выгружать здесь пушки. Тогда направились прямо в бухту, где между двумя возвышенностями по берегам небольшой речки расположилось селение. Лежавшая к востоку пологая сопка, на которой стояли японские строения, обращала на себя внимание господствующим положением над всей окрестной местностью. Там лучше всего, казалось, можно было расположить батарею.

Наблюдательный Николай Константинович подсчитал число лодок, лежащих на берегу в устье реки. Их было 30 маленьких и две больших. Никакого сопротивления со стороны японцев не последовало.

Невельской и Буссе спокойно высадились и вскоре были уже в доме японских зрителей, куда через некоторое время был вызван и Бошняк.

Дом, в котором происходила беседа с японскими начальниками, скорее был сараем, разделенным на три части. В самой большой из них на лакированном помосте Бошняк увидел Невельского и Буссе, беседовавших с японскими зрителями. Невельской объяснил японцам цель прихода и объявил о том, что русские по праву владеют всем Сахалином.

Японцы не возражали против того, чтобы пост был основан на господствующей возвышенности в непосредственной близости от селения.

После обмена подарками переговоры были окончены,

и Невельской, Буссе и Бошняк с переводчиком вышли из дома. Решили осмотреть более подробно местность около селения. К западу от возвышенности лежала болотистая долина с небольшой речкой, которая очень понравилась Буссе. Он настаивал на выгрузке именно здесь, с чем Невельской не соглашался и предоставил Буссе возможность одному осматривать полюбившуюся долину.

Буссе не представлял себе, как можно ослушаться инструкции, в которой запрещалось занятие места для поста в районе залива Анива, о чем он неоднократно говорил Невельскому.

Позже Н. В. Буссе писал об этом в своих воспоминаниях: «Я был поражен, что Невельской мог решиться, не имея ни полномочия, ни средств (весь отряд его состоит из 70-ти чел.) предпринимать подобные дела. Он занял, ни более ни менее, как пространство земли протяжением на юг от 53° до 48° с. ш., т. е. 500 верст земли, считавшейся принадлежностью Китая».*

Невельской решительно отвергал все доводы, приводившиеся Буссе. Он указывал: «чтобы владеть островом и понудить японцев к неперменным с нами сношениям, необходимо владеть главным и ближайшим к Японии пунктом острова Сахалин, на владение которым мы всегда имели и имеем полное и бесспорное право; всякое же занятие какого-либо другого пункта и владение одними только северною и среднею частью острова не имеет смысла и значения».

По возвращении вечером на корабль Невельской собрал команду и объявил, что завтра с утра будет произведена официальная закладка поста.

21 сентября утром корабль снялся с якоря и пошел к селению Тамари-Анива на одну милю. Для

* Н. В. Буссе, Остров Сахалин и экспедиция 1853—1854 гг., С.-Петербург, 1872, стр. 6.

выгрузки был спущен баркас под командою лейтенанта Рудановского с 30 вооруженными матросами.

Невельской, Бошняк, Буссе и переводчик на шестивельсельной шлюпке двинулись впереди. Японцы, хотя, видимо, и были мало довольны приближавшимся отрядом, однако вида не подавали. Айны, которых, как можно было сразу заметить, японцы считали за рабов, с радостью приветствовали русских.

Подошедшему баркасу во главе с Рудановским было приказано немедленно выгружать на берег орудия и изготовить флагшток.

Когда все было готово, команда выстроилась во фронт, при звуках салюта с «Николая I» Г. И. Невельской поднял русский военно-морской флаг. Дружные крики «ура» находящихся в строю вместе с салютом и ружейным залпом, известили о возвращении острова Сахалина России.

Последующие дни вся команда была занята разгрузкой припасов и установкой орудий. Матросам усиленно помогали айны, видевшие в русских своих избавителей от гнета японцев.

Николай Константинович Бошняк принимал самое деятельное участие в организации поста, названного Муравьевским в честь генерал-губернатора Восточной Сибири. Первую же ночь после подъема флага ему пришлось вместе с лейтенантом Рудановским провести на берегу во главе оставленного у флага караула. Это делалось на случай предотвращения провокаций, возможных со стороны японцев.

Утром выяснилась любопытная история. Японцы, боясь мести айнов, которых они бессовестно грабили и унижали, ушли из селения. Айны до того рады были приходу русских, что не скрывали этого. Невельскому пришлось принять меры к сбережению имущества японцев, так как айны собирались захватить его. Во избежание осложне-

ний с Японией, Невельской принял имущество на хранение впредь до возвращения японцев.

Команда поста разместилась в просторном сухом сарае, купленном ранее у японцев; в другом — было размещено все имущество и, кроме того, там решили поселиться Буссе и Рудановский.

В этот же день Николаю Константиновичу пришлось на вельботе сделать разведку берега к западу от селения с целью найти место, годное для зимовки судна. Около 20 миль прошел он вдоль берега и нигде ничего подходящего не обнаружил.

25 сентября выгрузка была закончена. Восемь орудий установлены на возвышенном месте. Посту было оставлено все необходимое для успешной зимовки и выполнения предстоящих работ. Помимо этого, зимовщики всегда могли купить у японцев муку, сушеную зелень, рыбу, водку и соль.

«Ни один пост в Приамурском крае не был поставлен в такое безопасное и вполне обеспеченное положение, в каком я оставил Муравьевский пост под начальством Н. В. Буссе»,* — вспоминает Г. И. Невельской.

Пора было следовать дальше для выполнения оставшихся задач.

Н а ч а л о з и м о в к и

26 сентября «Николай I», отсалютовав Муравьевскому посту, вышел с рейда Тамари-Анива, держа курс к Императорской Гавани, где предполагалось проверить состояние оставленного поста в Константиновской бухте. Переход был исключительно благоприятным, делали по 9—

* Г. И. Невельской, Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России, Географиздат, 1947, стр. 240.

10 узлов и к вечеру 28 сентября подошли к цели. Решено было ввиду неизученности берегов вход отложить до следующего дня.

Больше всех ожидал высадки Бошняк. Ему снова предстояло побывать, да и не только побывать, а и провести долгую зиму в открытой им гавани.

По предписанию Невельского, Бошняк должен был во время зимовки проверить добытые им летом сведения о путях к Амуру, провести исследовательские работы во время веснования и после этого продолжать описание Татарского пролива к югу от Императорской Гавани до устья реки Самарги. Оттуда предполагалось перевалить через хребет Сихотэ-Алинь к устью реки Усури.

На следующее утро «Николай I» вошел в гавань. Зеркальная гладь ее была спокойна, легкий ветер не вызывал даже мелкой ряби. Непроходимые девственные леса подступали вплотную к воде. Слева на памятном мысу виднелся поставленный Николаем Константиновичем крест.

Не проходя в глубь залива, «Николай I» встал на якорь у полуострова Меньшикова. Командирский вельбот немедленно был подготовлен и спущен на воду. Невельской, Бошняк и капитан «Николая I» Кликовстрем пошли на нем к Константиновскому посту. Скоро перед ними открылась превосходная Константиновская бухта, на берегу которой был расположен пост. Несколько сильных дружных взмахов гребцов — и вельбот обогнул высокий мыс. Теперь офицеры находились в лучшем месте Императорской Гавани, бухте Постовой.

На красивом ее берегу, там, где в бухту впадает небольшая, но быстрая речка, среди высокого и густого леса были видны две постройки, оказавшиеся затем небольшим амбаром для хранения шкиперских и продовольственных запасов и жилым домом. Около них суетились,

готовясь к встрече начальства, оставленные здесь на зимовку казаки.

Когда вельбот подходил к берегу, казаки выстроились во фронт. Временный начальник поста унтер-офицер Хороших доложил вышедшему на берег Невельскому о состоянии поста. Казаки браво ответили на приветствие Невельского. Вид у них был бодрый и довольный. Невельской представил им нового начальника, Николая Константиновича Бошняка. Все казаки хорошо знали молодого, но уже опытного лейтенанта и были рады такому назначению.

Хозяйским взглядом осматривал Бошняк свои будущие владения. Хороших он тотчас же дал приказание заготавливать лес для новых построек.

Проверив хранение продуктов и хозяйство поста, Невельской, Бошняк и Клинковстрем отбыли на транспорт, который вскоре снялся с якоря и отправился в залив Де-Кастри. Бошняк не мог сразу остаться в Императорской Гавани, так как он был ответственным за груз, предназначенный для Александровского поста. Поэтому ему также пришлось идти в залив Де-Кастри.

Прибыли туда 2 октября. В этот день, оформив все дела, сдав груз Разградскому и узнав от него местные новости, Бошняк ночью на «Николае I» отправился опять в Императорскую Гавань. Свежий встречный ветер мешал скорому продвижению, поэтому только седьмого подошли к Императорской Гавани, но входа в нее долго не могли найти из-за густого тумана, стеною стоявшего под самым берегом. Когда же он рассеялся, то по открывшемуся высокому черному мысу вход в гавань быстро был найден. Скоро «Николай I» уже миновал широкие ворота гладкого спокойного бассейна. На море дул сильный юго-восточный ветер, а в гавани был совершеннейший штиль.

Уставшая команда нуждалась в отдыхе, поэтому

вплотную к берегу в бухте Постовой не подошли, а встали на якорь при входе в Константиновскую бухту. Николай Константинович, несмотря на позднее время, побывал на посту и к своему удовольствию нашел его в полном порядке.

Вернувшись на транспорт Бошняку, Клинковстрем заявил, что намерен остаться на зимовку здесь, так как ввиду позднего времени ему будет трудно добираться до Петропавловска. Клинковстрем позже доносил Невельскому, что «команда имеет в изобилии как продовольственных предметов, так и одежды, а поэтому я надеюсь, что зимовка эта минует благополучно».*

Наутро 8 октября увидели первый тонкий лед, затянувший бухту вдоль берегов. Приближалась зима, необходимо было принять все самые неотложные меры к устройству команды транспорта на берегу.

В этот же день «Николай I» перетянулся почти вплотную к берегу к тому месту, где был расположен Константиновский пост. Команда принялась готовить судно к зиме и заготавливать лес. Необходимо было строить казарму, а времени оставалось очень мало. Холода уже наступали.

Бошняка все это время можно было видеть на стройке начатого офицерского домика или в лесу на заготовке леса. В напряженной работе время летело незаметно. Усталые после тяжелого рабочего дня люди валились спать, как убитые.

13 октября вахтенные сигнальщики доложили Бошняку о судне, державшем курс в Императорскую Гавань. Николай Константинович предполагал, что это мог быть только транспорт «Иртыш», который, видимо, не нашел места для зимовки в заливе Анива и, боясь в позднее время следовать в Петропавловск, направился сюда.

* Г. И. Невельской, Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России, Географиздат, 1947, стр. 153.

Предположения его скоро подтвердились. Вошедший в гавань транспорт был действительно «Иртыш». Полнейший штиль не дал ему возможности войти в Константиновскую бухту и поэтому он встал на якорь недалеко от входа в нее. Командир транспорта лейтенант Гаврилов, прибыв на «Николай I», рассказал следующее.

Встречные ветры задержали продвижение транспорта. Борясь со штормом, команде пришлось многое перетерпеть. Было повреждено рулевое управление, а вскоре открылась течь. От непрерывной борьбы с разбушевавшейся стихией многие начали заболеть. В таких трудных условиях «Иртыш» только в первых числах октября достиг Тамари-Анива, где Гаврилов немедленно доложил о плачевном состоянии транспорта начальнику Муравьевского поста майору Буссе. Он сообщил также ему, что при создавшихся условиях идти в Петропавловск равносильно гибели и поэтому решил для зимовки следовать в Императорскую Гавань.

Несмотря на категорическое приказание Невельского, которое было известно Гаврилову, Буссе не только не заменил больных матросов из экипажа «Иртыш», но даже не снабдил команду его необходимыми для зимовки обмундированием и продовольствием.

Холодный расчет, черствость сквозят в этих поступках Буссе. Прекрасно обеспеченный всеми запасами, имея полную возможность пополнять их у жителей Тамари-Анива, с совершенно здоровой командой, он не нашел нужным помочь Гаврилову, идущему зимовать без продовольственных и иных запасов в совершенно безлюдную и отдаленную на 500 верст от жилых мест Императорскую Гавань. Буссе при этом не посчитался с прямым указанием Невельского, рассчитывая, что, выставив себя в лучшем свете перед генерал-губернатором, он найдет средства для заступничества от Невельского.

«Мне предстояло, — рассказывал Гаврилов, — или

погибать в море, на пути в Петропавловск, или выдержать в Императорской Гавани все трудности зимовки без надлежащего снабжения. Я был вынужден избрать последнее и... едва добрался до Императорской Гавани. Течь в транспорте с каждым днем усиливалась, а руль почти бездействовал, так что перед входом в гавань мы должны были править румпель-талями.* Больных людей Буссе также не заменил здоровыми, отзываясь, что у него должны быть не больные, а здоровые люди.**

Больше того, Буссе не постеснялся забрать с «Иртыша» все, что только он мог, пользуясь своим служебным положением. Гаврилову же он говорил, что в Императорской Гавани различных запасов вполне достаточно и хватит на всех.

На «Иртыше» прибыл и Д. И. Орлов, которого «Николай I» дождался в свое время у мыса Крильон.

Положение собравшихся в Императорской Гавани было из рук вон плохое. Невельским было оставлено здесь запасов на 10—12 человек, назначенных на зимовку, а теперь их оказалось около 90. Собравшись на «Иртыше», все офицеры высказали немало предложений относительно зимовки. Ориентироваться приходилось на продовольственные запасы «Николая I». Командир его Клинковстрем, как человек штатский, подчинявшийся Российско-Американской компании, с неохотой соглашался на это. Конечно, тогда еще нельзя было предугадать результаты предстоящей зимовки, а Клинковстрем боялся ответственности за самовольный расход продуктов и товаров, принадлежавших компании.

Решено было в первую очередь заняться постройкой помещений для команды и, если удастся, для офицеров.

* Румпель — рычаг для поворачивания руля при помощи талей; тали — приспособление, состоящее из двух блоков.

** Г. И. Невельской, Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России, Географиздат, 1947, стр. 253.

С вечера составлялся график работы на сутки, а утром производился развод всего личного состава по местам. На транспортах оставалась только вахта.

Клиновстрем, не надеясь на скорую постройку жилища на берегу, выделял часть матросов для утепления судна. Во всех каютах приспособивали печки, а палубу засыпали хвоей, зашивали входы в помещение досками — как могли, так и утепляли транспорт. Люди работали с задором. В изголодавшихся по такому делу крестьянских руках топоры и пилы творили чудеса. За несколько дней лес был заготовлен и приступили к возведению зданий. Николай Константинович все время находился на строительстве казармы. В труде и в заботах время летело быстро. Надо было спешить. Неделя после прихода «Иртыша» подходила к концу.

20 октября, как всегда заканчивая вечерний обход партий, назначенных на работу, Николай Константинович был остановлен громким и радостным криком одного из казаков. Казак сообщил, что с моря виден приближающийся корабль. Эта новость моментально облетела всех. Естественно, что работа была окончена, тем более, что рабочее время истекало.

Зная об общем ходе исследования Амурской экспедиции, Николай Константинович догадался, что это должна была быть винтовая (новинка в те времена) шхуна «Восток», на которой находился друг Бошняка Н. М. Чичачев.

Постовая бухта в это время уже вся была до линии, соединяющий мысы, задернута льдом, по которому с некоторой опаской, но все же можно было ходить. Шхуна встала у кромки льда, не входя дальше и не пробиваясь к транспортам, которые стояли уже во льду. Бошняк на вельботе вместе с Гавриловым, Орловым и Клиновстремом отправились на шхуну. На палубе их встретил командир шхуны Римский-Корсаков. После взаимных привет-

ствий, расспросов и дружеского ужина гости, за исключением Бошняка, который остался ночевать, ушли со шхуны. Чихачев не отпускал от себя ни на шаг Николая Константиновича, как бы чувствуя, что предстоит долгая разлука.

Двое суток простояла шхуна в Императорской Гавани. Первого гостя нового русского поселения встречали с радостью. Шхуна проделала большой путь. Она была послана адмиралом Е. В. Путятиным из Нагасаки к Невельскому для знакомства с обстановкой и положением дел в экспедиции.

Как известно, Путятин был отправлен на фрегате «Паллада» для заключения торгового договора с Японией. Плавание это подробно описано в книге «Фрегат Паллада» принимавшим участие в плавании русским писателем Иваном Александровичем Гончаровым.

Шхуна «Восток» была первым паровым морским судном, прошедшим проливом, отделяющим Сахалин от материка. Она дошла до устья Амура, где стояла на якоре у мыса Пронге. Римский-Корсаков отсюда на шлюпке ходил в Петровское для встречи с Невельским, но не застал его там. На обратном пути шхуна заходила в залив Де-Кастри, но снова неудачно. Римскому-Корсакову удалось только получить от Невельского письмо, в котором последний просил зайти в Императорскую Гавань для выяснения истинного положения зазимовавших судов с последующим докладом полномочному министру Е. В. Путятину.

На пути из лимана шхуна заходила на рейд вблизи реки Виахту, где брала уголь, открытый Бошняком в Сахалинскую экспедицию. Он оказался хорошего качества и полностью обеспечил потребности судна.

Несмотря на затруднения с продовольствием, Николай Константинович распорядился выдать команде «Востока» свежесдобытого хлеба, которого давно не было на шху-

не. Гаврилов и Клинковстрем послали со своих транспортов баркасы за пресной водой для «Востока».

В свою очередь Римский-Корсаков оставил у себя только самое необходимое для того, чтобы добраться до Нагасаки, — все остальное продовольствие отдал Бошняку.

Обратив внимание, что во всех постройках поста вместо стекол на окна натягивается миткаль, командир «Востока» распорядился вынуть все стекла, какие только было возможно, из люков шхуны и отдать на пост Бошняку.

Утром 23 октября шхуна ушла из гавани. На долгую зиму последняя связь с миром была прервана.

Зимовка

Зима не ждала, она настойчиво напоминала о себе. Начавшиеся ранние морозы подгоняли и без того старавшихся казаков и матросов. Октябрь был на исходе. Старый корпус «Иртыша», несмотря на все принятые меры, не сохранял тепла. Поэтому все силы были брошены на окончание постройки казармы для команды «Иртыша». На «Николае I» дело обстояло лучше. Новое судно с двойной палубой больше годилось для зимовки. Утепив его и поставив в каютах каминны, команда осталась на судне.

На «Иртыше», и так уже имевшем больных, стали появляться признаки цынги. Матросы почти не отходили от камбузной* плиты. На работу стало выходить гораздо меньше людей, чем в начале зимовки. Николай Константинович понимал, что необходимо принимать самые неотложные меры для предупреждения дальнейших за-

* Камбуз — кухня на корабле.

болеваний. Во что бы то ни стало нужно было раздобыть свежего мяса. Это могло поднять на ноги заболевших. Но ни за какие уговоры и подарки не удавалось упросить заезжавших местных жителей отправиться в Николаевский пост за оленями. Кроме того, они сами голодали. Рыба не пришла в этом году. А такой ранней и холодной зимы даже старики не помнили.

Бошняк настойчиво заставлял строить береговые жилища. Они могли, по крайней мере, дать хоть тепло, а больных становилось все больше и больше. К концу ноября их набиралось уже до двенадцати человек. В основном это были матросы команды «Иртыша».

Привыкший всегда обходиться тем, что есть, Николай Константинович на этот раз вынужден был обратиться за помощью к Невельскому через Д. И. Орлова, который, дождавшись установления зимнего пути, собрался уходить в Петровское для выполнения других работ и для представления отчета о сахалинской экспедиции.

Николай Константинович написал Г. И. Невельскому подробный доклад о состоянии поста и зимующих в гавани судов. «При таком положении вещей, — сообщал он, — надобно ожидать весьма печального исхода этой зимовки, особенно относительно команды «Иртыша», которую Буссе не позаботился снабдить всем нужным и не сменил даже больных людей... Все эти обстоятельства заставляют меня просить об оказании нам возможной помощи, главное в медикаментах, чае, свежей провизии и теплой одежде, хотя надежда на возможность доставки весьма сомнительна».*

27 ноября Д. И. Орлов отправился в путь. Для него была куплена упряжка собак, а сам он с помощью казаков смастерил себе нарты, на которые и был сложен нехитрый груз старого подпоручика.

* Г. И. Невельской, стр. 253—254.

Командиры транспортов Гаврилов и Клинковстрем в свою очередь также отправляли рапорты Невельскому о состоянии вверенных им судов.

Расставание было грустным, хотя жизнерадостный и энергичный, несмотря на свои 50 лет, Дмитрий Иванович обещал «отмахать» расстояние до Петровского и вернуться обратно в наикратчайшие сроки.

После отъезда Орлова Бошняк уделяет все свое внимание окончанию постройки казармы и поискам свежей провизии. Неоднократно посылавшиеся партии в селения орочей по рекам Ма и Хадя не дали никаких результатов. Орочи сами стремились поселиться поближе к русским.

На «Иртыше» жить стало невмоготу. В офицерском общежитии, которое устроили в каюте капитана, камин топился непрерывно весь день, а ночью, когда топка не производилась, в графинах замерзала вода. О помещениях команды и говорить не приходилось, в кубриках жить стало совершенно невозможно.

Болезнь распространялась все больше и больше. Заболел штурман «Иртыша» подпоручик Чудинов. Ему обязательно нужно было теплое помещение. Напрягая все силы, команда поста все же справилась с трудностями, и в начале декабря матросы уже переезжали в казарму. В ней было тесно, сыро и неудобно, но зато тепло.

Для больного подпоручика Чудинова освободили домик, построенный казаками поста. А команда поста переселилась в новую казарму совместно с командой «Иртыша». Оставалось закончить постройку офицерского дома. Жить в капитанской каюте «Иртыша» становилось все труднее. Никакие шубы и непрерывный огонь в камине не спасали от 30-градусных морозов.

Николай Константинович сознавал весь ужас создавшегося положения, но не сдавался. С болезнью можно

было бороться непрерывной работой. Всех способных двигаться в приказном порядке выводили на строительство. Но таких становилось все меньше и меньше. Болезнь распространялась с исключительной силой.

Вместо офицерского домика решили сделать хотя бы небольшую комнатку. Но и это осуществлялось слишком медленно.

Болела половина людей. Даже на «Николае I», команда которого находилась в относительно лучших условиях, и то появились цынготные.

В казарме и без того тесной пришлось еще более потесниться, чтобы принять больных с «Николая I». Начали заболеть вслед за Чудиновым и другие офицеры. Все немногочисленные здоровые матросы были заняты на постройке офицерской комнаты. Бошняк принимал в работах самое активное участие.

Скоро больных стало столько, что пост стал походить на полевой лазарет. Во второй половине декабря на работу выходило всего пять человек. Радовали Николая Константиновича только его верные спутники казаки Парфентьев и Белохвостов, лучше других переносившие зимовку. В основном они и заканчивали отделку офицерской комнаты. Она получилась маленькой, но хорошо утепленной.

Подходил 1854 год. Что он принесет? Никакого про света на лучшее. Помощи ждать неоткуда. Можно надеяться только на свои силы.

Офицеры принимали самые энергичные крайние меры, чтобы не допустить смертельных исходов. Всех, кто мог ходить, насильно выводили на свежий воздух, но болезнь продолжала свое черное дело. Не было свежей провизии, медикаментов, не было доктора, не хватало одежды. Сколько раз в это время помянул Николай Константинович недобрым словом Буссе, спокойно поживающего в это время в Тамари-Анива. Это о нем Бошняк писал впослед-

ствии: «С тех пор во мне еще более развилось презрение к людям, если они на подчиненных смотрят как на машину для получения крестов, чинов и прочих благ мира сего! А еще более к таким, которые по своему невежественному и тупому развитию находят в этом средства, как называется, подсолить нелюбимому человеку и выставить себя в ярком блеске меньшей смертности, людьми распорядительными и заботливыми».

Усилиями Парфентьева и Белохвостова комната все же к Новому году была окончена, и Бошняк сразу же в нее переселился. Здесь и встретили Новый год. Безрадостно было на душе у всех. Но и показывать подчиненным свое настроение также было нельзя. Николай Константинович поднял единственный тост (вино сэкономили до последней капли) за Новый год, за твердость духа, за дружбу, за взаимную выручку. Затем играли в преферанс. Николай Константинович, до этого не державший карт в руках, присоединился к играющим. Не хотелось в такую минуту оставаться одному. Просидели чуть ли не до утра. В помещении команды давно уже все спали. Иногда только то в одном углу, то в другом слышались стоны тяжело больных.

Пошел четвертый год пребывания Бошняка на Дальнем Востоке...

С нового года положение зимовавших судов и команды Константиновского поста еще более ухудшилось. Из офицеров и штурманов, живших теперь совместно с Бошняком, здоровы были только младший штурман Петракевич и кондуктор Баскаков. Всех остальных болезни приковала к постели. Даже Клинковстрем и тот оказался в ее власти. А ведь он был в наилучших условиях. Лейтенант Гаврилов чувствовал себя очень плохо. Мысли всех направлены были на то, чтобы любым способом раздобыть свежей пищи.

Однажды Гаврилову пришла в голову мысль: стре-

лять ворон, чтобы хоть чем-нибудь разнообразить привезшиеся продукты. Для большего поддержания интереса к этому занятию было объявлено, что за каждую ворону выплачивается вознаграждение. Идея Гаврилова многим больным пошла на пользу. Изредка доставали рыбу у орочей, которой кормили только тяжело больных.

С середины января смерть безжалостно начала прибирать к своим рукам ослабших людей. Началось с подпоручика Чудинова. Все знали, что состояние его плохое, и все же первая смерть явилась неожиданной. Час тому назад у него был Николай Константинович, и вот наступил конец. Хоронили его на следующий день. Промерзшая и каменистая почва плохо поддавалась рукам больных матросов. Все, кто мог ходить, собрались сказать последнее «прости» своему товарищу. Скоро на обрывистом берегу забелел первый крест. И каждый, уходя с похорон, невольно думал о том, чья очередь следующая.

При думах о возможных еще более страшных испытаниях тяжелая тнетущая боль щемила сердце 24-летнего лейтенанта: «Сколько таких крестов будет здесь к концу зимовки», — невольно проносилось у него в голове.

До конца месяца умерло еще четыре человека. Люди уже привыкли к этому, стали относиться к смертям, как к чему-то положенному и неизбежному.

Николай Константинович пользуется случаем и посылает 30 января с отправляющимися на Амур местными жителями подробное письмо Г. И. Невельскому, в котором сообщает о состоянии поста и просит ускорить присылку помощи.

«Я очень сожалею, что Н. В. Буссе, отправивший без удовольствия «Иртыш» в пустыню, не видит всех последствий своей эгоистической ошибки... — писал Бошняк. — Надежда на скорую помощь от Вас нас всех еще

одушевляет и поддерживает, хотя я сознаю, что это сопряжено с большими препятствиями».*

Между тем Г. И. Невельской, получив первые сведения от Д. И. Орлова о тяжелом состоянии зимовщиков в Императорской Гавани, принял самые срочные меры по оказанию помощи. К сожалению, при всем его старании, она не могла стать своевременной. Д. И. Орлов прибыл в Петровское только 10 января. 15 января мичман Разградский уже выехал в Мариинский пост, чтобы отсюда организовать немедленную отправку оленей, одежды и медикаментов. Из Мариинского поста Разградский проехал в селение Хунгари, откуда 31 января отправил три нагруженные нарты в Константиновский пост в сопровождении казака.

Донесение Н. К. Бошняка, посланное Невельскому 30 января, дошло до последнего только 23 февраля. Весть о начавшейся смертности в Императорской Гавани была тяжелым ударом для Геннадия Ивановича. Не мог простить себе Невельской того, что доверился проходимцу в твардейском мундире Буссе, которому были чужды дела экспедиции.

Получив новое письмо от Бошняка, Г. И. Невельской решил удовлетворить просьбу Д. И. Орлова, едва оправившегося от длительного 500-верстного похода, и отправить его, как офицера опытного и знавшего теперь путь, в Императорскую Гавань, снабдив всеми возможными запасами продовольствия и медикаментов. Ему же было приказано пополнять эти запасы в пути, покупая у маньчжур водку, сухую черемшу, чеснок.

Всего день потребовался Орлову для сборов. 24 февраля на двух нартах он уже двигался на помощь Константиновскому посту.

А там дела шли все хуже. Люди умирали один за дру-

* Г. И. Невельской, стр. 277

гим. Тяжелее всего был период с середины января по середину февраля. В это время случались дни, когда сразу хоронили троих.

Только Бошняк, Парфентьев да два-три человека с «Николая I» были относительно здоровы и могли хоронить умерших.

Частые бани, всевозможные затеи Николая Константиновича не достигали цели. Смерть наводила ужас. Мучениям и переживаниям Бошняка не было конца. Но что мог он сделать, чтобы облегчить участь страдавших?

«Кому случалось видеть смерть честного русского солдата, — вспоминал через пять лет Бошняк, — тот поймет меня, если я скажу: безбожно и грешно жертвовать их жизнью для личных видов! Но видеть эти святые кончины и не иметь средств протянуть руку помощи несчастному, невольному и бедному страдальцу, вдвое ужаснее, — я это испытал на самом себе».

Всякие работы сами собой прекратились. С большим трудом удавалось рыть могилы для умиравших. К первому кресту Чудинова прибавился еще десяток. И нельзя было предусмотреть сколько их будет к концу зимы. После середины февраля и в начале марта число умиравших стало постепенно уменьшаться. Весна медленно, но уверенно вступала в свои права.

В полдень больные выходили из казармы погреться на солнышке. Люди воспрянули духом. В марте прибыли нарты с различными запасами и олени, посланные в свое время Невельским. Свежая оленина помогала лучше всяких лекарств.

Николай Константинович своей распорядительностью и энергичными действиями способствовал полному прекращению в скором времени смертельных исходов цынги.

С наступлением весны Бошняк не раз отправлял Парфентьева и Белохвостова на низменные и луговые

места вокруг мыса Путятина. Там росла черемша и можно было добывать ее корни. Примешиваемые к пище они служили хорошим противоцинготным средством.

Больных становилось все меньше и меньше. Скоро прибыл с запасами продовольствия и медикаментов Д. И. Орлов.

Весна наступила в этом году ранняя. В начале апреля лед начало ломать и выносить из бухты, а к середине апреля вся открытая часть бухты была свободна ото льда. Он сохранялся только вдоль берегов да на мелких местах.

Орлов привез Бошняку инструкции о дальнейших его действиях. Г. И. Невельской не знал, разумеется, о печальных итогах зимовки и поэтому предписывал Бошняку с открытием навигации выйти на «Николае I» на юг, до 46 широты, и высадиться там с байдарой для производства описи берега. «Николай I» после этого должен был следовать к Муравьевскому посту в распоряжение Н. В. Буссе. Отдельные и особые распоряжения были даны и транспорту «Иртыш», которому надлежало после захода в Муравьевский пост для пополнения команды, взамен умерших, следовать в Петропавловск.

Бошняку было совершенно ясно, что выполнить эту программу действий после перенесенных ужасов невозможно. Больные все еще были, требовалось время для полного их выздоровления. Корабли после зимовки находились в плохом состоянии и нуждались в ремонте. Людей тоже не хватало. Во время зимовки умерло 19 человек.

19 крестов стояло теперь на кладбище, которое сделали недалеко от поста, на вдающемся в бухту мыске. Нелегко было Николаю Константиновичу смотреть на них. «Кому из сослуживцев придется побывать в этом месте тяжелых испытаний моей молодости, — того прошу не забыть тихим поклоном и крестом за меня почтить па-

мять моих несчастных товарищей-страдальцев», — завещал он в своих записках.

И сейчас каждый прибывающий в Советскую Гавань спешит в бухту Постовую посмотреть и поклониться памяти героических русских людей, положивших 100 лет тому назад основание военному поселению, выросшему теперь в город Советская Гавань.

На высокой сопке, по которой не раз ходили первые зимовщики Константиновского поста, рядом с местом, где были их первые строения, поставлен памятник-часовня доблестным русским людям, морякам и казакам, отдавшим свои жизни за отдаленный русский край, ставший неотъемлемой частью нашей Родины.

Надпись на памятнике гласит:

«Умершим от цинги в зиму с 1853 на 1854 г. Транспорта Иртыш Штурман Поручик Чудинов и 12 человек нижних чинов. Корабля Николай Рос. — Амер. Ком. 4 матроса и 2 матроса постовой команды».

Находившийся всю зиму в постоянных заботах и тревоге за подчиненных, Бошняк к весне почувствовал у себя признаки цинги. Сказалось большое нравственное напряжение и зимние заботы.

Серьезное беспокойство причиняли Бошняку привезенные Д. И. Орловым приказания Невельского, выполнить которые было почти невозможно. Как может, например, выйти «Иртыш», если на нем совершенно больной командир и нет заменяющих офицеров? Как может, наконец, лично он сам отправиться на юг, если уже сейчас с трудом передвигается по посту? В таких горьких размышлениях о дальнейшем ходе работ застала Бошняка неожиданная и радостная весть, принесенная Парфентьевым. Николай Константинович уже улегся спать, когда вбежавший в его каморку казак доложил, что прибыл корвет «Оливуца», а его командир капитан-лейтенант Назимов находится на «Иртыше».

Бошняк, только одевшись, осознал в полной мере, что приход корабля означает конец их страданиям. Со всей скоростью, на какую он был способен, шагал Николай Константинович к «Иртышу». Скоро он сидел в кают-компании транспорта и слушал Николая Николаевича Назимова.

Корвет «Оливуца» был послан адмиралом Путятиным для подкрепления гарнизона Петропавловска. По пути ему было приказано зайти в Императорскую Гавань для знакомства с состоянием поста и оказания помощи.

Назимов сообщил Бошняку и другим офицерам, собравшимся на «Иртыше», о начавшихся военных действиях с Англией и Францией и о предполагаемом скором приходе соединенной англо-французской эскадры в воды Тихого океана.

Англия, США и Франция давно точили зубы на богатства Дальнего Востока, захвату которого мешала Россия.

Многие русские корабли, бороздившие воды Тихого океана в первой половине XIX века, приносили в Россию сведения о повышенном интересе американских, английских и французских захватчиков к Дальневосточному краю. Пользуясь различными предложениями, засылая разведчиков под маской миссионеров, прямых военных агентов, научных или иных экспедиций, колонизаторы США, Англии и Франции пытались укрепить свое влияние на Дальнем Востоке. Иностранцы промысловые шхуны хищнически производили лов рыбы и бой морского зверя в богатых дальневосточных морях.

Особенную активность проявляла Англия, которая в 1842 году закончила грабительскую войну с Китаем и заметно укрепила свои позиции на Тихом океане. Руководствуясь единственным желанием вытеснить Россию с Дальнего Востока, Англия очень внимательно следила за продвижением и укреплением русских в Приамурском крае.

Морские дальневосточные границы России были почти не защищены для противника. Правительство, несмотря на неоднократные представления генерал-губернатора Восточной Сибири, оставалось совершенно глухим и безучастным к его требованиям об укреплении обороны Тихоокеанского побережья. Лишь только тогда, когда угроза стала явной, на Дальний Восток был послан фрегат «Аврора». Здесь же оказались, в связи с посылкой в Японию русского посланника, фрегат «Паллада», а потом и фрегат «Диана». Однако естественно, что этих сил было недостаточно для успешной борьбы с соединенным англо-французским флотом.

Капитан-лейтенант Н. Н. Назимов сообщил также, что в скором времени сюда прибудет на фрегате «Паллада» вице-адмирал Е. В. Путятин.

После сообщения Назимова настала очередь рассказывать Бошняку и Гаврилову. Чем больше они говорили, тем яснее становилось для приехавших бедственное положение, в котором оказался пост и зазимовавшие транспорты.

Рано утром Назимов ушел на корвет, державшийся всю ночь под парусами у входа в гавань, и стал вводить его в бухту для постановки на якорь. Корвет был снабжен в изобилии всем необходимым. На нем имелся доктор и фельдшер, которые были сразу же посланы на пост для оказания настоящей медицинской помощи. Живительно действовало также постоянное, во время нахождения корвета в тавани, общение здоровых и бодрых членов команды «Оливуца» с больными казаками и матросами.

Кроме этой непосредственной помощи, Назимов всех больных из состава команды «Иртыша» взял к себе на корвет и назначил своего старшего офицера Николая Матвеевича Чихачева командиром «Иртыша». Всех этих действий корвета было достаточно, чтобы жизнь на пос-

ту стала значительно веселее. Снова появились шутки, смех. Уже несколько раз матросы приносили первую дичь — гусей и лебедей.

После оказания серьезной помощи посту корвет, захватив для следования в Аниву Д. И. Орлова, ушел из гавани по своему назначению.

На посту теснота в помещениях прекратилась. Команда «Иртыша» перешла на транспорт, где начала энергично готовиться к выходу в плавание.

Больных не прибавлялось, а старые больные быстро шли на поправку. Под руководством Чихачева транспорт через десять дней был уже в состоянии выйти в море и ожидал, когда бухта совсем очистится ото льда. Второго мая транспорт начал вытягиваться из Постовой бухты на рейд залива и вскоре ушел в Аниву.

Сразу же после его ухода в залив вошел барк Российско-Американской компании «Меньшиков», находившийся также в эскадре вице-адмирала Путятина. Командиром его с 1853 года был лейтенант Иван Васильевич Фуругельм. «Меньшиков» должен был ожидать дальнейших приказаний Путятина в Императорской Гавани.

Ждать пришлось около трех недель. За это время Фуругельм, также как и Назимов, помогал Бошняку своим продовольствием и снаряжением. Вскоре все больные, находящиеся на посту, выздоровели. Один Николай Константинович всем на удивление не поправлялся. Отличное питание, свежее мясо и сушеная зелень и даже весенний воздух не могли помочь переутомленному физически и нравственно Бошняку.

В ожидании фрегата «Паллада» команды кораблей приводили их в порядок: чистили трюмы, ремонтировали изношенный такелаж. На посту жизнь шла своим чередом: осматривали после страшной зимовки свои жилища, укрепляли и поправляли могилы несчастных. Николай

Константинович позаботился, чтобы кладбище было в образцовом порядке.

В таких заботах шел день за днем. Бошняк проводил все свободное время на «Меньшикове» в обществе Ивана Васильевича Фуругельма, делясь планами на будущее и разбирая сложившуюся обстановку.

22 мая часа в четыре дня в воротах гавани показался все еще красивый и величественный фрегат «Паллада»,* шедший под вице-адмиральским флагом. Бошняк и Фуругельм, рыбачившие в это время с палубы «Меньшикова», срочно приказали готовить байдарку, на которой лейтенант Бошняк немедленно отбыл с рапортом к вице-адмиралу Ефиму Васильевичу Путятину.

Адмирал встретил его приветливо, представил всем офицерам, многие из которых оказались старыми знакомыми Николая Константиновича. Затем Бошняк был представлен известному русскому писателю Ивану Александровичу Гончарову, плававшему в качестве секретаря экспедиции Путятина.

Впоследствии И. А. Гончаров так описал свои первые впечатления о местах, в которых Бошняку довелось столько испытать и пережить. «Мы входили в широкие ворота гладкого бассейна, обставленного крутыми, точно обрубленными берегами, поросшими непроницаемым для взгляда мелким лесом — сосен, берез, пихты, лиственницы. Нас охватил крепкий смоляной запах. Мы про-

* Фрегат «Паллада» спущен на воду в Петербурге 1 сентября 1832 года. По своему времени был одним из лучших кораблей флота. Длина его 52,7 метра, вооружение — 52 орудия. В описываемое время корпус фрегата, после длительных плаваний, пришел в негодность.

Первым командиром фрегата был капитан-лейтенант П. С. Нахимов, впоследствии выдающийся адмирал-флотоводец — герой Севастопольской обороны. В течение 20 лет «Паллада» бороздила воды Балтики и других морей, а затем была выделена, как флагманский корабль, в экспедицию адмирала Путятина.

шли большой залив и увидели две другие бухты, направо и налево, длинными языками вдающиеся в берега, а большой залив шел сам по себе еще мили на две дальше. Вода не шелохнется, воздух покоен, а в море, за мысами, свирепствует ветер...» И дальше: «Что это за край, где мы? Сам не знаю, да и никто не знает: кто тут бывал и кто пойдет в эту дичь и глушь?

Кто тут живет? Что за народ?»*

Действительно, мало кто мог в то время ответить на поставленные вопросы. Только Невельской, Бошняк, Орлов и еще несколько человек из Амурской экспедиции могли бы, пожалуй, удовлетворить любопытство Гончарова.

Вице-адмирал Путятин решил вопреки предписанию правительства идти не в залив Де-Кастри, который был хорошо известен англо-французам, а в надежную и неизвестную неприятелю Императорскую Гавань, где и приготовить все для отражения возможного нападения.

Сразу вслед за «Палладой» прибыла шхуна «Восток». Таким образом, в Императорской Гавани собралась целая эскадра. Надо было срочно принимать меры к обороне гавани. На берегу устанавливали батареи, возводили укрепления, строили жилые дома, амбары, арсенал.

Путятин, опасаясь, что в случае блокады залива Анива англо-французским флотом, Муравьевский пост будет поставлен в затруднительное положение, — не возражал против снятия его.

Несмотря на то, что распоряжения Путятина в этом вопросе расходились с инструкциями, данными Невельским Буссе, последний с готовностью снял Муравьевский пост. При этом Буссе совершенно «не обратил» внимания на оговорку в распоряжении Путятина, что пост может

* И. А. Гончаров, Фрегат «Паллада», Географиздат, 1949, стр. 576.

быть снят только в том случае, если нет других приказаний (имелся в виду Невельской).

Вскоре вся команда поста, вместе с орудиями и прочим снаряжением, во главе с майором Буссе на транспортах «Двина», «Меньшиков» и «Николай I» была доставлена в Императорскую Гавань.

Шхуна «Восток» была послана Путятиним в залив Де-Кастри. Путятин приказал командиру шхуны известить генерал-губернатора и Невельского о своем прибытии и о намерении укреплять Императорскую Гавань, сделав ее основной базой флота. Он настойчиво требовал от Муравьева различных запасов для создания оборонительных укреплений. А пока оборудование Императорской Гавани продолжалось самыми быстрыми темпами, своими силами.

Транспорты «Иртыш» и «Двина» были отправлены в залив Де-Кастри, где должны были взять специально сформированный отряд из подкрепления, прибывшего с Муравьевым по Амуру, и доставить его в Петропавловск.

В середине июня в Императорскую Гавань из залива Де-Кастри на шхуне «Восток» прибыл генерал-губернатор Н. Н. Муравьев.

Николай Николаевич Муравьев знал все об отважных зимовщиках. Бошняка он принял очень радушно и долго расспрашивал обо всех подробностях зимовки. Заметив болезненное состояние Николая Константиновича, Муравьев предложил ему продолжительный отпуск с выездом на родину. Лучшей награды Бошняк и ожидать не мог. В этот же день нехитрые дела и обязанности начальника Константиновского поста им были сданы Н. В. Рудановскому.

Муравьев привез Путятину царское повеление снять Константиновский пост, корабли отправить зимовать в реку Амур; команда Муравьевского поста должна была быть отправлена в распоряжение Российско-Американской ком-

пании в Ново-Архангельск (Ситку) для укрепления обороны русских владений в Америке. Для того чтобы фрегат «Паллада» мог быть введен в устье Амура, условились разгрузить его у мыса Лазарева и в таком виде провести по мелководным фарватерам лимана.

На следующее утро шхуна «Восток» отправлялась в Николаевск. Бошняк воспользовался любезным приглашением командира шхуны и разрешением Н. Н. Муравьева, собрал вещи и вышел попрощаться с казаками поста. Парфентьева и Белохвостова, бывших неизменными его спутниками почти во всех походах, Николай Константинович и на этот раз решил взять с собой. Для этого ему потребовалось добиваться специального разрешения губернатора. Зато сколько радости было и у него и у его верных друзей, когда разрешение было получено.

Шхуна уходила из Императорской Гавани. Фрегат провожал ее флагами расцвечивания; люди, бывшие на берегу, долго прощально махали руками. На судне все были заняты своей обычной работой и только трое, сняв шапки, безмолвно стояли на палубе, устремив свои взоры на строения, на печальный приметный мыс с белевшими крестами. Думы их были там, на посту, где столько пережито, где столько оставлено сил и здоровья. Шхуна давно прошла бухту Постовую, выходила из Константиновской и только тогда трое: Бошняк, Парфентьев и Белохвостов надели шапки.

Генерал-губернатор решил лично, совместно с Невельским, проверить фарватеры лимана для того, чтобы судить о возможности проводки глубоко сидящего фрегата в устье Амура. После захода в залив Де-Кастри «Восток» вышел в лиман реки Амур для следования в Николаевск, где должен был взять Невельского и исследовать Северный (теперь Невельского) фарватер.

Подойдя к мысу Лазарева, осмотрели подходы к берегу и наметили место для своза на берег груза фрегата «Паллада». После этого шхуна направилась по Сахалинскому фарватеру.

На параллели мыса Пронге попробовали искать фарватер, ведущий непосредственно в устье реки Амур, но безуспешно. Сильные течения, наличие мелей не дали этого сделать; судно несколько раз садилось на мель. В результате было потеряно много времени, и генерал-губернатор, спешивший отправить очередную почту в Аян, отказался от первоначально принятого решения идти в Николаевск, и шхуна направилась непосредственно в Петровское.

На рейде Петровского шхуне пришлось стать на якорь далеко от берега, так как из-за волнения и плохой видимости подойти ближе было нельзя.

Бошняк со своими казаками отправился к берегу на байдарке. Легкая, обтянутая кожей, она, как скорлупка, то скрывалась в волнах, то выскакивала на их гребни. Но неожиданно налетевший шквал опрокинул байдарку. Бошняк и казаки оказались в волнах, теснящих друг друга и с грохотом разбивающихся о прибрежные камни. Долго были видны пловцы, борющиеся со стихией. С «Востока» заметили катастрофу, но спущенная шлюпка не поспела во-время и сама чуть не разбилась о береговые камни.

Судьба оказалась благосклонной к Николаю Константиновичу. Совершенно обессилевший, изнемогающий он был выброшен на берег прибрежными бурунами. Прибывшие матросы помогли ему подняться на ноги. Вглядываясь в кипящие пенистые буруны, он с волнением и надеждой ожидал, что вот-вот кто-нибудь из казаков покажется среди камней. Но все ожидания были тщетны. Лучшие и верные постоянные его спутники Семен Парфентьев и Кир Белохвостов навсегда остались в водах залива Счастья.

Приготовленная давно почта была отправлена на шхуну сразу, как только стих ветер. В Петровском Николай Константинович узнал о недавно полученном известии о награждении его за отличную и усердную службу орденом Святой Анны третьей степени. Еще больше захотелось домой, поделиться с родными всеми горестями и радостями.

Через два дня шхуна направилась в Аян. Радость предстоящей встречи с родными местами и самыми близкими сердцу людьми омрачалась тяжелой потерей неутомимых казаков, погибших в такое время, когда все трудности были позади и предстоял заслуженный долгожданный отдых.

7 июля шхуна прибыла в Аян. Огромный путь от Аяна до Костромы Бошняк проехал в рекордный для того времени срок — в 53 дня. Лошадей гнали во весь опор, Николай Константинович не терял ни минуты времени на отдых и 3 сентября после четырехлетнего отсутствия въехал в ворота родного дома. «Кто был в подобном положении, особенно после такой жизни, какова была моя, тот поймет мою радость при виде родного уголка, где прошли первые дни молодости, где сердце и душа вдали от холодных столичных приветов были так чисты и теплы», — вспоминает Николай Константинович.

Фрегат «Паллада»

В 1854 году после долгих и настойчивых требований генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева правительство разрешило произвести первый сплав по Амуру.

Иностранные колонизаторы, пользующиеся морскими портами Китая, имели полную возможность расширять свои авантюры, усилить военные действия против России.

Английская буржуазия, конкурировавшая с Россией в торговле с Китаем, всеми мерами, подкупом и клеветой, старалась подорвать Кяхтинский торг. Англия видела, что взаимоотношения между Китаем и Россией крепнут из года в год.

Русско-китайские отношения строились на взаимно-выгодных началах, а не на насильственной колониальной политике и неравноправных договорах. Показателем этого был торговый договор Китая с Россией — первый равноправный торговый договор, заключенный в XVIII веке Китаем с европейским государством. Не подлежало сомнению, что Англия не намерена поступиться своими интересами в Китае. Для полного укрепления своих позиций она готовилась к занятию Амура, чтобы этим подорвать русско-китайскую торговлю и прочно укрепиться на Дальнем Востоке. Отсюда ясно, что оборона Приамурья приобретала в то время особо важное значение для России во всей системе обороны ее дальневосточных рубежей.

В связи с этим и значение сплава по Амуру было велико. 14 мая 1854 года в торжественной обстановке флотилия, состоящая из парохода «Аргунь»* и 76 грузовых баркасов, руководимая Н. Н. Муравьевым, отошла от Шилкинского завода на реке Шилке и начала спускаться к Амуру. Через месяц флотилия прибыла к Марининскому посту, где была встречена Г. И. Невельским.

С первым сплавом оборона Нижне-Амурского края значительно усилилась. Основной из оборонительных баз было признано Марининское как почти недостижимое для морских судов и в то же время хорошо связанное с побережьем. Оттуда к заливу Де-Кастри специально выде-

* Плавание «Аргуни» по Амуру является началом Амурского речного пароходства, столетие которого отмечалось в 1954 году.

ленный отряд из 200 человек начал строительство дороги.

Мариинский пост был усилен конной сотней и горным артиллерийским дивизионом. В Николаевский пост прибыло 200 солдат. 350 человек отправлялось на Камчатку. Усилены были также и другие посты. На мысе Куегда, на мысе Лазарева и на Петровской косе были поставлены артиллерийские батареи. Кроме того, все эти силы увеличивались прибывшей эскадрой адмирала Путятина.

Вице-адмирал Путятин, согласно решению, принятому совместно с генерал-губернатором, ликвидировал Константиновский пост и 16 июля на фрегате «Паллада» прибыл к мысу Лазарева. Немедленно было приступлено к постройке пристани для разгрузки артиллерии и помещений на берегу для шкиперского имущества.

Через четыре дня на рейде мыса Лазарева показался фрегат «Диана», посланный из Кронштадта на смену «Палладе» после донесения Путятина о невозможности возвращения «Паллады» ввиду ветхости корпуса. Командовал «Дианой» энергичный, волевой офицер капитан второго ранга Степан Степанович Лесовский.

Приказав командирам обоих фрегатов Унковскому и Лесовскому продолжать строительство намеченных объектов, Путятин отбыл на вельботе в Николаевск для свидания с генерал-губернатором.

По окончании совещания Невельской совместно с Путятиным вышел на пароходе «Аргунь» в лиман для отыскания фарватера. Исследования оказались тщетными. Выяснилось только, что в такое короткое время произвести необходимые изыскания невозможно. Оставалось вести фрегат через Сахалинский фарватер и затем через бар Северного (Невельского) фарватера. Для этого пароход «Аргунь», плохо выдерживавший качку на крутой и резкой волне, которая обычно наблюдается в лимане при штормах, надо было обеспечить поддержкой шхуны «Вос-

ток». Причем проводку необходимо было осуществить до 20 августа, так как в это время на баре Северного фарватера бывает наибольший уровень воды. Условлено было, что шхуна «Восток», на которой генерал-губернатор отправился из Петровского в Аян, возвратится немедленно к фрегату «Паллада».

Г. И. Невельской ждал в Петровском шхуну «Восток», на которой намеревался с семьей итти в Николаевск. 26 августа он получил сведения, что фрегат «Паллада» еще не выходил к Сахалинскому фарватеру, так как у парохода «Аргунь» испортились машины. Таким образом, летнее время для проводки фрегата было потеряно. Оставалась единственная надежда осуществить проводку в наибольший осенний уровень воды, в начале сентября.

В тот же день Невельской вышел с семьей на катере и вельботе в Николаевск. К этому времени команда парохода «Аргунь» сумела исправить повреждения машины. Невельской направился на «Аргуни» к фрегату. К вечеру 4 сентября пароход подошел к «Палладе», которая к тому времени своими силами прошла почти весь Сахалинский фарватер и до бара Северного ей оставалось не более 35 миль.

Фрегат шел по фарватеру, имея впереди себя две шлюпки под парусами, которые показывали кромки фарватера. Все шло хорошо, но в ночь с пятого на шестое сентября поднялся сильный ветер, превратившийся вскоре в шторм. Пароход «Аргунь», находившийся в это время у мыса Уса, с трудом под парами удерживался на двух якорях. Шторм продолжался до 8 сентября и стих только к вечеру.

Машины парохода снова вышли из строя, и Невельской был вынужден для их исправления следовать под парусами в Николаевск. Посланный оттуда катер «Надежда» донес, что фрегат «Паллада» едва мог отстоять-

ся на двух якорях в открытой части лимана на Сахалинском фарватере. Баркас и две шлюпки, при помощи которых фрегат двигался по фарватеру, затонули во время шторма. Шхуна «Восток» не приходила и, как стало известно от Д. И. Орлова, была послана генерал-губернатором на Камчатку. При создавшемся положении командир фрегата Унковский принял единственно правильное решение вернуться к мысу Лазарева.

Таким образом, осуществить проводку фрегата в навигацию 1854 года не удалось. Вследствие этого Путятин распорядился отправить «Палладу» на зимовку в Императорскую Гавань. Оставшееся вооружение и имущество с фрегата было снято и частью передано на «Диану», а частью оставлено на мысе Лазарева. Команда фрегата отправлена в Николаевск.

24 сентября фрегат «Диана», имея на буксире фрегат «Палладу», отошел от рейда мыса Лазарева и направился в Императорскую Гавань. После того, как фрегат был поставлен в Константиновской бухте у самого берега бухты Постовой, «Диана» ушла в Японию.*

В конце октября Г. И. Невельской получил от командира шхуны «Восток» Римского-Корсакова донесение из Петровского, где шхуна вынуждена была зазимовать, не пробившись из-за сильных осенних ветров в Николаевск. Римский-Корсаков писал о нападении неприятельской эскадры на порт Петропавловск-на-Камчатке и о героической обороне порта. Враг был сброшен в море, оставив большие трофеи и потеряв более 300 человек убитыми.**

* Фрегат «Диана» погиб в Симодо во время землетрясения 11 декабря 1854 года. После гибели судна часть команды под руководством С. С. Лесовского из остатков фрегата построила шхуну «Хеда», которая вернулась в устье Амура с вице-адмиралом Путятиным.

** Подробнее о героической обороне Петропавловска см., например, Сергеев М. А., «Оборона Петропавловска-на-Камчатке»; или Степанов А. А. «Петропавловская оборона».

Не было никакого сомнения в том, что враг попытается на следующий год усилить свои военные действия на Дальнем Востоке, поэтому Невельской употребил все усилия для укрепления береговой обороны входов в лиман Амура, где предполагалось с наступлением весны сосредоточить все корабли.

В Николаевске, ставшем настоящей столицей края, в эту зиму сосредоточилось более 800 человек. Поселок заметно вырос и стал похожим на небольшой провинциальный городок. Благодаря стараниям Невельского достаточное количество продовольственных запасов, медикаментов и одежды делали зимовку совершенно спокойной.

Из полученной почты Г. И. Невельской узнал, что правящие круги Англии и Франции весьма недовольны деятельностью соединенной англо-французской эскадры и требуют от нее более решительных действий. Правильно оценивая обстановку, Невельской в середине марта 1855 года отправил в Императорскую Гавань офицера, прапорщика корпуса флотских штурманов, штурмана фрегата «Паллада» Кузнецова в сопровождении трех матросов. Ему приказывалось вести неослабное наблюдение за морем и в случае появления неприятеля в гавани взорвать фрегат, а самим уйти в лес на заранее заготовленное место. Если же этого не случится, то с наступлением весны поддерживать фрегат в таком состоянии, чтобы он мог быть введен в Амур.

В начале мая Г. И. Невельской получил пакет от генерал-губернатора. Н. Н. Муравьев писал, что ранней весной в залив Де-Кастри должны прибыть семейства служащих, эвакуируемых из Петропавловска-на-Камчатке. Их надлежало немедленно переправить в Мариинский пост, а судно ввести в Амур.

Невельской в связи с этим отправился в Мариинское готовить все для встречи, приказав оставшемуся за него

Бачманову продолжать строительство батарей на мысах Чныррах, Мео и Куюгда.

Отойдя верст 20 от Николаевска, Невельской встретил нарочного из залива Де-Кастри с сообщением от Н. М. Чихачева. Чихачев докладывал, что он во главе транспортов «Двина», «Иртыш» и «Байкал» со всем имуществом Петропавловского порта и семьями прибыл 1 мая в Де-Кастри. Далее сообщалось, что генерал-губернатор Камчатки контр-адмирал Завойко идет также в Де-Кастри во главе фрегата «Аврора» и корвета «Оливуца», так как гарнизон Петропавловского порта по распоряжению Н. Н. Муравьева снят.

Геннадий Иванович поспешил в Де-Кастри. Прибыв в Мариинское только 11 мая, он встретил там уже перебирающихся из Де-Кастри жен и детей служащих петропавловской эскадры. Отдав распоряжения о их приеме ничего не знавшему начальнику Мариинского поста, Невельской в сопровождении поручика Попова пошел пешком в залив Де-Кастри. 13 мая к вечеру они добрались до Александровского поста, где встретились с В. С. Завойко. На совещании решили все корабли и суда вести к мысу Лазарева, а оттуда, по мере очищения лимана и Амура ото льда, в Николаевск.

Завойко сообщил Невельскому, что он заходил в Императорскую Гавань за фрегатом «Паллада». Но Константиновская бухта, и в частности Постовая бухта, были еще закрыты льдом. Вывод фрегата из льда потребовал бы много времени. Поэтому, осмотрев и снабдив продовольствием пост и подтвердив Кузнецову ранее данные инструкции, Завойко ушел из гавани.

Между тем неприятельская эскадра, обнаружив, что Петропавловск оставлен русскими, усиленно рыскала вдоль побережья Татарского пролива, стараясь напасть на след русской эскадры. Не подозревая о существовании

Императорской Гавани, открытие которой держалось в секрете, и не зная входов и выходов в лиман реки Амур, противник все внимание сосредоточил на хорошо известной ему бухте Де-Кастри.

Как сообщил Завойко, 8 мая сигнальный пост с мыса Орлова (Клостер-Камп) донес о появлении трех кораблей неприятеля. Это были английские корабли: фрегат, бриг и винтовой пароход, вооруженные 69 пушками. Произведя несколько выстрелов, на которые успешно отвечал корвет «Оливуца», вражеские корабли, напуганные героической обороной Петропавловска, побоялись начать новое сражение с утомленной переходом, обессилевшей камчатской флотилией и ушли к югу. Завойко принял это посещение за передовую разведку неприятеля и начал усиленно готовиться к вполне вероятному скорому столкновению с вражеской эскадрой. Но, поджидавшие прихода основных сил, англичане так и не решились напасть на русские корабли.

В ночь на 16 мая вся петропавловская эскадра вышла из залива Де-Кастри и, не встретив противника, благополучно прибыла к мысу Лазарева. В это же время к мысу Лазарева подошла часть команды погибшего в Японии фрегата «Диана» на зафрахтованном судне под начальством С. С. Лесовского. Сюда же 27 мая прибыл на пароходе «Аргунь» нарочный от генерал-губернатора, вернувшийся из отпуска вместе со вторым сплавом по Амуру, лейтенант Николай Константинович Бошняк с приказанием погрузить орудия на транспорты.

5 июня, избежав встречи с караулившей в проливе вражеской эскадрой, на «Хеде» прибыл Путятин. О местонахождении наших кораблей Путятин узнал от Кузнецова в Императорской Гавани. Небольшая шхуна «Хеда» не могла взять на буксир «Палладу», поэтому, повторив Кузнецову приказание взорвать при необходимости «Палладу», Путятин ушел к лиману.

Еще зимой Г. И. Невельскому из сообщения генерал-губернатора стало известно о предполагавшемся втором сплаве по Амуру. Правительство убедилось-таки в правильности требований Н. Н. Муравьева и «надоедливого и строптивого» адмирала Невельского.

Весь центр деятельности России на Дальнем Востоке сосредоточился к лету 1855 года в устье Амура. Для укрепления обороны края ранней весной, сразу после очищения Амура ото льда, был произведен второй сплав по Амуру.

В подготовке сплава самое деятельное участие принял Николай Константинович Бошняк, прибывший в марте 1855 года из отпуска. Бошняку не терпелось скорее попасть в круг друзей, встретиться с Невельским. Лучшим способом добраться до низовьев Амура был намечавшийся сплав. Поэтому Николай Константинович с радостью взялся за исполнение поручения, возложенного на него генерал-губернатором. Он был командирован на Шилкинский завод, где наблюдал за подготовкой барж к сплаву, а затем был послан Муравьевым со специальным заданием к мысу Лазарева на пароходе «Аргунь».

Сплав намечено было провести тремя группами из 26, 52 и 35 барж. Первой группой командовал сам Муравьев, второй — подполковник А. А. Назимов, он же являлся командиром спускавшегося по Амуру 15-линейного батальона; третьей группой командовал полковник М. С. Корсаков.

Во главе научной экспедиции, снаряженной Русским географическим обществом, отправлялся со сплавом по Амуру Р. К. Маак, известный путешественник и исследователь Восточной Сибири и Дальнего Востока, с которым Бошняк познакомился еще в Иркутске. Участником этой экспедиции художником Мейером создан целый ряд ценных рисунков, представляющих интерес и в настоящее время.

Со вторым сплавом оборона Приамурья еще более окрепла. Численность войск, сосредоточенных на побережье, возросла до 7 000 человек. Подступы к Николаевску, превратившемуся в центр обороны края, были защищены целым рядом батарей. Усилены были и передовые посты в устье и лимане Амура.

Этим же сплавом было положено начало заселению части Амура между Мариинским постом и Николаевском. Первые русские переселенцы — сибирские крестьяне основали поселения на берегах Амура. Возникли селения Богородское, Иркутское, Михайловское, Ново-Михайловское, Сергеевское.

В конце мая вместе с первым отделением сплава прибыл в Мариинский пост Муравьев.

Из Мариинского поста Невельской, находившийся в то время в Николаевске, получил от генерал-губернатора предписание следующего содержания:

«1) Амурская экспедиция заменяется Управлением камчатского губернатора контр-адмирала Завойко, местопребыванием которого назначается Николаевское;

2) Вы назначаетесь начальником штаба при главнокомандующем всеми морскими и сухопутными силами Приамурского края;

3) Все чины, состоящие в Амурской экспедиции, поступают под начальство контр-адмирала Завойко, и

4) Главной квартирой всех наших войск назначается Мариинский пост».*

Таким образом, деятельность Амурской экспедиции закончилась. Не ожидая прибытия в Николаевск В. С. Завойко, Невельской сдал дела старшему из офицеров и вскоре прибыл в Мариинский пост. Выйдя от Муравьева после официального доклада о положении дел в устье Амура, Невельской случайно встретил Николая Констан-

* Г. И. Невельской, стр. 322—323.

тиновича Бошняка и увел его к себе, в отведенные ему с семьей две маленькие комнаты. Снова, как когда-то в Петровском, Николай Константинович почувствовал гостеприимство хорошей, честной и приветливой семьи Невельских.

Бошняк состоял в должности адъютанта генерал-губернатора и еще раньше знал о готовящейся участии Амурской экспедиции. Николай Константинович отлично понимал, что назначение Невельского начальником штаба при главнокомандующем означает почетную отставку.

Недаром Муравьев в частном письме к своему родственнику и одновременно адъютанту М. С. Корсакову писал по поводу ликвидации Амурской экспедиции следующее: «...Для успокоения Невельского я полагаю назначить его при себе начальником штаба; Завойко начальником всех морских сил... Таким образом Невельской с громким названием не будет никому мешать и кончит свое там поприще спокойно».*

Естественно, что, как ни старалась Екатерина Ивановна направить беседу на светские темы, разговор весь вечер шел о судьбах Амурской экспедиции, об исходе шедшей войны.

Все суда, бывшие в то время в Тихом океане,** сосредоточились в Николаевске, в устье Амура, куда они пришли с мыса Лазарева, и находились вне досягаемости неприятельского флота, совершенно уверенного, что входа в Амур с юга не существует. Только остов одного фрегата «Паллада» находился в Императорской Гавани.

Командование неприятельской эскадры было в полном неведении, куда могли скрыться русские корабли. Неприя-

* И. Барсуков, Граф Н. Н. Муравьев-Амурский, кн. 1, стр. 396.

** Фрегат «Аврора», корвет «Оливуца», шхуна «Восток», транспорты: «Двина», «Иртыш», «Байкал», шхуна «Хеда», тендер «Камчадал», пароход «Аргунь».

тельский флот рыскал по всему лобережью. Несколько раз побывал в заливе Де-Кастри, но никакого следа русской эскадры обнаружить не мог. Взбешенные неудачами, англо-французские интервенты еще усиленнее блокировали побережье Татарского пролива и особенно его южную часть, так как предполагали, что русские корабли пошли к югу. Высаженные противником десанты в Де-Кастри и Авачинской губе, кроме ограбления нескольких частных домов, никаких боевых подвигов не совершили. Узнать, куда ушла русская эскадра, им так и не удалось.

Неприятельский флот, блокируя до поздней осени берега Татарского пролива, так и не узнал о существовании Императорской Гавани, где попрежнему находился фрегат «Паллада». Однако опасность, что англо-французам удастся захватить безоружный остов «Паллады» была совершенно реальной. Поэтому, хотя Невельской и возражал, решено было фрегат затопить, тем более что к дальнейшим плаваниям он почти не годился.

Первого января 1856 года Г. Д. Разградский вышел в Императорскую Гавань и прибыл туда 17 января. Моряки с болью в сердце встретили распоряжение о затоплении любимого корабля. Но приказу необходимо было подчиниться. Все, что можно было снять с фрегата, свезли на берег. Мачты были срублены. К пороху подведен фитиль.

Морозным утром 31 января 1856 года над Константиновской бухтой раздался оглушительный взрыв. Остов фрегата медленно уходил под лед, на дно бухты Постовой. Сняв шапки, команда прощалась с фрегатом, который служил многим из них долгое время родным домом.*

* Моряки клипера «Джигит» в 1885 году впервые обследовали затонувший фрегат. В 1888 году адмирал С. О. Макаров, плывая на прославленном «Витязе», заходил в бухту Постовая. Водолаз с «Витязя» несколько раз опускался к фрегату. Тогда удалось до-

20 марта Разградский, Кузнецов и команда поста прибыли в Николаевск. Константиновский пост, начало которому положил Николай Константинович Бошняк, временно перестал существовать.

Прощай, Амур!

В августе 1856 года Геннадий Иванович Невельской навсегда покидал берега Тихого океана.

Кончилась война и, естественно, отпала надобность в начальнике штаба. В довершение всего на голову Геннадия Ивановича стали валить все неудачи, имевшие место в Амурской экспедиции, а заодно и неудачи, никакого отношения к экспедиции не имевшие. Человеку, сделавшему очень много для Родины, до конца своих дней пришлось бороться со всякими клеветниками и злопыхателями. Однако следует сказать, что передовые люди тогдашней России очень высоко ценили заслуги Невельского и его моральные качества.

Современник Невельского известный путешественник М. И. Венюков так пишет в своих записках о Невель-

стать несколько деревянных и металлических частей «Паллады». В советское время в 1923 году моряки корабля «Красный Октябрь» обнаружили в бухте Постовая якорь с фрегата. Водолазы подняли иллюминатор и кусок борта с фрегата, доставленные затем в Приморский краевой музей во Владивостоке. Там же находится ряд других предметов с «Паллады», а также его модель, изготовленная фельдшером Шарпуновым, совершившим в 1853 году плавание на фрегате в составе экспедиции Путятина.

Более детальные обследования фрегата «Паллада», произведенные в 1944—1945 гг., показали, что фрегат лежит метрах в 25 от берега, кормой к нему, на глубине 14—18 метров. Нижняя часть корпуса глубоко затянута в ил. Дерево корпуса сильно изъедено, палуба разрушена. Значительная часть медной обшивки сохранилась. В подобном состоянии произвести подъем фрегата возможно только по частям.

ском: «Более честного человека мне не случилось встречать, и хотя его резкость, угловатость могли иногда не нравиться, но всякий, кто имел случай ближе подойти к нему, скоро замечал, какая теплая, глубоко симпатичная натура скрывалась за его непредставительной наружностью. Противники его, не имея возможности марать его чести, стоявшей выше подозрений, старались выставить его смешным, ограниченным сумасбродом...»*

Невельской не допускался более к исполнению обязанностей, требующих самостоятельного принятия решений. Молодого адмирала посадили за один стол в Ученом совете Морского технического комитета с теми, которые уже доживали свой век. Моря больше Невельской не увидел, но всю жизнь не переставал проявлять самый живой интерес к Дальнему Востоку.

Уходил навсегда с берегов Амура и лейтенант Николай Константинович Бошняк.

Все, что было связано с именем Невельского, вытравливалось теперь с Дальнего Востока. Всех самых ревностных его сотрудников ожидала такая же участь, как и самого Невельского. Зато преуспевали те, которые с самого начала мешали работе экспедиции, такие, как, например, уже полковник, а в скором времени военный губернатор Амурской области генерал-майор Буссе.**

* М. И. Вениуков, Путешествия по Приамурью, Китаю и Японии, Дальгиз, 1952, стр. 85.

** М. И. Вениуков оставил такую запись о Буссе: «Воспоминание его личности мне не приводит на память почти ничего, кроме штабных интриг между людьми, ненавидевшими друг друга, подкалывавшимися один под другого, но лицемерно любезничавшими при случае, причем, разумеется, эта глухая борьба отражалась особенно на судьбе подчиненных, вечно пребывавших в фальшивом положении и приносимых в жертву как при вспышке взаимной злобы властей, так и при компромиссах».

О Николае Константиновиче Бошняке после всех его заслуг перед Родиной, после всех перенесенных им испытаний просто забыли. В лучшем случае немногие знали, что числится на корвете «Оливуца» лейтенант Бошняк. А то обстоятельство, что работы и исследования лейтенанта Бошняка в удельном весе всех работ Амурской экспедиции занимают значительное место, — было совершенно забыто.

Сразу после отъезда Невельского, уехавшего вместе с Завойко, принявший от последнего дела С. С. Лесовский стал готовить зимовавшие в гавани Маго корабли: фрегат «Аврора», корвет «Оливуца» и транспорт «Двина» в обратный далекий переход в Кронштадт. На корвете «Оливуца» уплывал и Бошняк.

17 июня корабли снялись с якоря и 19 были в Николаевске. Здесь Николай Константинович сошел на берег. Навестил все памятные места. Побывал там, где строились первые землянки, встретил своих друзей.

На следующий день с палубы корвета Бошняк увидел идущую вниз по Амуру шхуну «Восток». На ней прибыли Невельской и Завойко, отправлявшиеся со своими семьями в Аян и далее в Петербург. Это была последняя дальневосточная встреча бывшего начальника бывшей Амурской экспедиции с одним из своих лучших помощников.

В Николаевске корабли запасались всем необходимым для далекого плавания. Тщательно проверялось оснащение, дополучалось все, что можно было достать в Николаевске. Впереди было трудное, но интересное плавание. Предстояло пройти много морей, повидать много стран и разных народов. Николай Константинович был рад, что ему именно таким путем приходится возвращаться на запад, к новому месту службы. К этому добавлялось еще то приятное обстоятельство, что плавание должно проходить под командованием старого знакомого Бошняка,

отличного моряка капитана второго ранга Воина Андреевича Римского-Корсакова.

На подготовку к переходу затратили полмесяца. 5 июля эскадра снялась с якоря, и Бошняк бросил последний взгляд на порт, где пять лет назад впервые застучали топоры казаков и матросов, начальником которых он был. Много воды утекло с тех пор. Много изменилось по берегам великой дальневосточной реки. Выросли новые селения, край ожил. Приамурье усилиями Муравьева, Невельского и их сотрудников, в том числе и Бошняка, превращалось в растущий и многообещающий край необъятной России.

Мимо кораблей медленно проходили исхоженные и изъезженные Бошняком места: Чныррах, Пронге, Джаоре, Частые острова, мыс Лазарева, памятный по Сахалинской экспедиции мыс Погоби.

По лиману шли полтора месяца. Шли медленно вдоль берега, ощупью, промеряя прибрежный фарватер, дожидаясь большой воды. Часто стояли на якоре, пока посланные вперед шлюпки не находили достаточной глубины. Встречные ветры стесняли и без того трудное маневрирование. Поэтому нередко садились на мель. Огромную помощь флотилии оказывали Римский-Корсаков и Бошняк, лучше других знавшие лиман реки Амур.

24 августа прибыли в залив Де-Кастри. Здесь Бошняк был совсем недавно, уже после возвращения из отпуска. Случилось это после прибытия в Маринское второго сплава. Бошняку пришлось, выполняя приказание генерал-губернатора, организовывать перетаскивание вельбота волоком из озера Кизи в залив и обратно.

В заливе Де-Кастри застали транспорт «Байкал», прибывший по приказанию Е. В. Путятина, недавно вновь появившегося на Амуре, теперь уже в качестве посланника в Китае.

На берегу залива происходило восстановление зда-

ний, разрушенных в прошлом году приходившей несколько раз неприятельской эскадрой.

После трудного перехода команда нуждалась в отдыхе. Кроме того, необходимо было произвести осмотр и возможный ремонт кораблей. Повреждения имелись на всех судах. Все это задержало их стоянку в заливе Де-Кастри до 18 сентября, в этот день эскадра вышла из залива и, обогнув мыс Орлова, направилась к Императорской Гавани.

Николая Константиновича в эти дни можно было чаще всего видеть на палубе всматривающимся в неприветливые скалистые берега Татарского пролива. Каждый мыс, каждый залив или бухточка, каждый камень были знакомы ему. Во всех подробностях всплывало трудное, опасное, но интересное плавание на лодке вместе с Киrom Белохвостовым, Семеном Парфентьевым и Иваном Мосеевым.

Из-за почти постоянных встречных ветров эскадре потребовалось пять дней, чтобы добраться до Императорской Гавани. Наконец 23 сентября показались знакомые очертания входных мысов, а за ними и та безмятежно-спокойная гладь воды, которая сразу бросается в глаза при входе в Императорскую Гавань после бурливых и неприветливых осенних вод Татарского пролива. Мертвую тишину гавани нарушили звуки отдаваемых якорей. Готовый к спуску командирский вельбот с отдачей якоря был уже у борта.

Воин Андреевич и Николай Константинович отправились к Константиновскому посту, который был снова выставлен, согласно приказанию Е. В. Путятина, приходившим в Императорскую Гавань транспортом «Иртыш».

После двухлетнего отсутствия Николай Константинович Бошняк оказался в таком месте, воспоминания о котором всегда были самыми тяжкими и грустными из всех его дальневосточных воспоминаний.

Вот и Сигнальный мыс. Еще несколько взмахов весел — и Николай Константинович привычно остановил свой взгляд на приметном мыску, думы о котором не оставляли его повсюду. Здесь попрежнему белели памятники несчастным страдальцам. Каждого из лежащих под этими деревянными крестами Николай Константинович отлично знал, каждого из них проводил в последний путь, на гроб каждого бросил он первую горсть мерзлой земли.

Чуть левее кладбища виднелись постройки поста, возведенные на месте тех, которые с невероятными трудностями были поставлены в ту страшную зиму.

Прибывших офицеров встретил новый начальник поста. Матросам стало известно, что прибыл командир корвета и тот самый лейтенант Бошняк, который был первым командиром поста. Не раз потом за время стоянки эскадры в Императорской Гавани приходилось Николаю Константиновичу повторять им рассказ о минувших два года назад событиях первой зимовки.

Наступило время ухода из гавани. Все недочеты, замеченные на кораблях за время пути, были устранены. Баркасы с «Двины» обновили запасы пресной воды. Корабли были приведены в полную готовность к дальнейшему переходу. В последний раз, — теперь об этом Николай Константинович твердо знал, — навестил он свой пост.

Из Императорской Гавани эскадра 3 октября направилась к берегам Японии и 13 к вечеру вошла в Сангарский пролив, где встала на якорь на рейде порта Хакодате. Оттуда вышла в Тихий океан и 27 ноября вступила в бухту Симодо. Берега ее уже были застроены легкими японскими зданиями и только кое-где еще сохранились следы разрушения, произведенного землетрясением 1854 года.

Здесь погиб фрегат «Диана». Здесь русские моряки

во главе со Степаном Степановичем Лесовским строили шхуну «Хеду».

Небезинтересно отметить, что непосредственно постройкой шхуны руководил участник плавания на «Диане» лейтенант Александр Федорович Можайский — создатель первого в мире самолета. За исключительно короткий срок русские моряки спустили на воду шхуну с хорошими морскими качествами. Японцы, присутствовавшие и даже участвовавшие в некоторых работах при постройке шхуны, разумеется, не преминули возможностью воспользоваться таким редким случаем и использовали в дальнейшем полученный от русских моряков передовой урок русского судостроения.

Запасшись свежей провизией, на рассвете 2 декабря отправились дальше. Почти год продолжалось трудное и увлекательное плавание.

После встречи нового, 1856 года эскадра вступила в тропики. В Маниле, куда прибыли 10 февраля, корабли бросили якоря для продолжительной стоянки, во время которой производился ремонт, грузилась свежая провизия и вода, офицеры и команда, свободная от работ, съезжали на берег, знакомились с достопримечательностями.

За время дальнейшего плавания моряки эскадры побывали у берегов Зондского архипелага, насмотрелись на волны Индийского океана, обогнули мыс Доброй Надежды, видели и место заключения Наполеона — остров Святой Елены, у которого четверо суток простояли на якоре.

9 сентября прибыли на Копенгагенский рейд. Впереди было знакомое Балтийское море, на котором Бошняк получил первые уроки суровой морской службы. Семь лет тому назад был здесь в последний раз Николай Константинович и поэтому с понятным волнением ожидал встречи с памятными берегами.

Когда эскадра вступила в Финский залив, команды кораблей, готовясь к встрече с Родиной, стали приводить свои суда в порядок. Медные части были начищены до блеска, старые паруса заменялись новыми, палубу драили так, как будто на ней веками не смывалась грязь. Наконец 16 сентября флотилия отдала якоря на Кронштадтском рейде.

Отставка

22 сентября 1857 года Николаю Константиновичу был дан отпуск на четыре месяца. Перед отправлением на родину в Костромскую губернию Бошняку вручили в Петербурге медаль на Андреевской ленте, которой он был награжден в память минувшей войны.

Не забыл Николай Константинович и своего обещания навестить Невельского, который продолжал энергично отстаивать честь и правильность действий Амурской экспедиции. После этой встречи, имея приказание прибыть по окончании отпуска в распоряжение командира Восьмого флотского экипажа в Кронштадт, Бошняк отправился на родину.

Отпуск, хотя и четырехмесячный, прошел незаметно. Встретив дома новый, 1858 год, лейтенант Бошняк отбыл для продолжения службы в Кронштадт, где и был зачислен на винтовой фрегат «Илья Муромец». Фрегат вступал в строй и поэтому в море выходил редко, только для опробования механизмов. Все остальное время было заполнено службой на берегу, штабной работой и занятиями с командой.

По прибытии в Восьмой флотский экипаж Николай Константинович узнал о новой награде: ордене Святого Станислава второй степени. Но никакие награды и отличия не могли заменить того, что было потеряно. Пяти-

летняя служба в Амурской экспедиции, проходившая в труднейших условиях, плохо сказалась на здоровье Николая Константиновича. Все чаще появлялись тупые боли в груди, усиливался частый грудной кашель.

Чтобы не думать о болезни, Николай Константинович так же настойчиво и ревностно нес службу на новом месте, как это было и на Дальнем Востоке.

Быстро прошел год, а вместе с ним и еще один стпуск, возвратившись из которого Николай Константинович был порадован указом правительства о награждении участников Амурской экспедиции. Бошняку пожаловали пожизненную ежегодную пенсию в размере 350 рублей и следующий по выслуге орден.

Первая радость скоро сменилась разочарованием и обидой, после которой и собственное награждение не казалось столь радостным событием. Генерал-майору Буссе, тому самому, по вине которого в Императорской Гавани в мерзлой земле остались навеки лежать 19 честных русских людей, была пожалована пожизненная пенсия в 1 500 рублей ежегодно. Председатель главного правления Российско-Американской компании Политковский, известный может быть только тем, что все время мешал деятельности Амурской экспедиции, был удостоен равной с Невельским награды — пенсии в 2 000 рублей и очередного ордена.

Участник Амурской экспедиции Н. М. Чихачев был вообще обойден награждением.

В 1859 году фрегат «Илья Муромец», на котором служил Бошняк, отправился в заграничное плавание. Это было последнее плавание Николая Константиновича. Болезнь все более обострялась. Кашель стал сопровождаться кровохарканием. Корабельный врач настаивал на списании Бошняка на берег.

Через некоторое время состояние больного резко ухудшилось. Бошняк заболел воспалением легких и для изле-

чения был отправлен 6 февраля 1860 года в госпиталь порта Киль, где был зачислен на довольствие на пароход-фрегат «Олаф», готовящийся к возвращению в Россию.

Почти полгода находился Николай Константинович вдали от родных, от друзей, от своего корабля. Полное одиночество, тоска по родине мало помогали успешному лечению болезни, хотя ему и стало несколько легче. С нетерпением ожидал он того дня, когда «Олаф» будет уходить в Кронштадт.

Наконец 10 июля Бошняк оказался на борту фрегата, через четыре дня фрегат прибыл в Кронштадт, а 17 июля Николай Константинович прощался и благодарил за проявленное гостеприимство и заботу командира фрегата капитана первого ранга Вейнера.

Новый командир Восьмого флотского экипажа капитан первого ранга Гревенс, узнав о состоянии здоровья Бошняка, настоял на посылке его для медицинского освидетельствования во врачебную комиссию. Результатом освидетельствования явилось заключение о невозможности в настоящее время Бошняку продолжать службу.

После этого Николай Константинович был «приказом 7-го ноября 1860 года за № 328-м уволен в отпуск для излечения болезни внутри Империи на одиннадцать месяцев...»*

В отпуск Николай Константинович поехал опять в свою Костромскую губернию. В родных местах на берегу Волги, окруженный постоянной заботой близких, Николай Константинович несколько окреп. Во время нахождения в отпуске Бошняка избрали членом от правительства мировых съездов Костромской губернии. Указом правительствующего сената он утверждается мировым

* ЦГА ВМФ, фонд 406, д. № 537, лл. 459—460.

посредником по Нерехтскому уезду Костромской губернии. В связи с этим лейтенант Н. К. Бошняк приказом управляющего Морским министерством 27 мая 1861 года был зачислен в резерв флота. 19 июня того же года он был наконец произведен в следующий чин — капитан-лейтенанта.

Несмотря на некоторое улучшение здоровья, Бошняку необходимо было лечиться. Медленно, но настойчиво туберкулез продолжал развиваться. Костромская врачебная управа настаивала на поездке за границу, в Италию, для пользования минеральными водами и морскими купаниями, но Николай Константинович отказался пока от этого предложения и решил перебраться временно на новое местожительство к своим родственникам, в Херсонскую губернию, в город Елисаветград* Бобринецкого уезда. Летом 1862 года он переселяется туда.

В связи с тем, что срок пребывания Николая Константиновича в должности члена от правительства мировых съездов Костромской губернии в начале 1863 года истекал, он стал просить управляющего Морским министерством об увольнении в бессрочный отпуск, в чем ему было отказано.

Циркуляром инспекторского департамента Морского министерства от 15 мая 1863 года он был зачислен в штат Третьего флотского экипажа Кронштадтского порта.

Состояние здоровья Николая Константиновича не позволяло ему выехать в Кронштадт. Из Николаева, куда он переехал на лечение, Николай Константинович подает прошение о переводе его в Черноморскую флотилию или о прикомандировании его на время к одному из черноморских флотских экипажей.

Равнодушные министерские чинуши не проявили ни-

* Теперь город Кировоград.

какой заботы о человеке, который потерял здоровье, находясь на службе, и через елисаветградскую полицию потребовали его прибытия на службу в Кронштадт.

Вынужденный, скрепя сердце, подчиниться приказанию Николай Константинович стал собираться в дорогу в надежде, что в Петербурге ему, лично удастся объяснить с высшим начальством и добиться перевода на Черное море. Но внезапное осложнение болезни не позволило ему этого сделать.

Врач Стацевич, у которого длительное время лечился Бошняк, осмотрел больного и сделал заключение о непригодности капитан-лейтенанта Бошняка к службе.

«Означенные болезненные явления (туберкулез. — А. А.), за которыми в качестве врача слежу, много месяцев, постепенно усиливаясь, угрожают опасностью жизни больного и в настоящее время делают его совершенно неспособным к отправлению служебных обязанностей без явного вреда его здоровью».*

Семейные обстоятельства Николая Константиновича сложились в этот период как нельзя хуже. Незадолго перед тем умер его отец, и Бошняку пришлось взять на себя почти все заботы по ведению хозяйства. Затем пошли неизбежные хлопоты по разделу имения между многочисленными братьями и сестрами.

В такой обстановке Николаю Константиновичу пришлось решаться на крайнюю меру: покинуть флот. Он пишет письмо министру с изложением всех причин, побудивших его просить об отставке.

Нельзя без волнения читать этот рапорт, идущий из глубины чистого сердца.

«Поступок мой могут судить разно; за себя и свою честь я имею прошедшую мою службу и репутацию честного человека и видит бог и совесть, что без настоятель-

* ЦГА ВМФ, фонд 283, д. 306, л. 23.

ной надобности, несмотря на мою хроническую болезнь, дающую мне право самым законным образом оставить службу во всякое время, на что бы, я не сомневаюсь, я всегда получил свидетельство от любого медицинского факультета после самого строгого осмотра, я бы явился как Русский на защиту прав моей родины...»*

В конце 1863 года Бошняк получил уведомление от инспекторского департамента о разрешении уйти в отставку. От Николая Константиновича требовалось теперь только официальное оформление документов.

15 марта 1865 года Николай Константинович Бошняк навсегда распрощался с флотом, которому отдал все свои силы, здоровье, лучшие годы жизни. Он получил отставку вместе с очередным чином — капитана второго ранга — и положенными пенсиями.

На этом можно было бы и закончить рассказ о Николае Константиновиче Бошняке — славном представителе доблестного русского военно-морского флота, если бы не трагические обстоятельства его последующей жизни.

К сожалению, история сохранила сравнительно мало сведений о жизни Бошняка после выхода его в отставку. До сих пор считалась неизвестной дата его смерти.**

Из архивов Российского Министерства иностранных дел и Костромского удалось составить некоторое представление о последних годах жизни Николая Константиновича Бошняка.

Неизлечимая хроническая болезнь, как результат перенесенных лишений во время службы на Дальнем Востоке, тяжелая душевная рана, нанесенная правительст-

* ЦГА ВМФ, фонд 283, д. 306, лл. 1—2.

** См., например, Большая Советская Энциклопедия, издание 2, том 6, статья «Бошняк Н. К.». Между прочим, в статье ошибочно указаны даты рождения Н. К. Бошняка — 1829 и открытия Императорской Гавани — 1854 год. Следует соответственно 1830 и 1853 годы.

вом в лице морского министерства, подорвали психическое состояние Николая Константиновича.

Однажды летом в родовом имении Бошняков, селение Ушаково, куда Николай Константинович переехал на постоянное местожительство, он вынес из дома все имевшиеся там иконы и, поставив их на площади перед домом, открыл по ним стрельбу из охотничьего ружья. По-видимому, это был бессильный протест против того бога, которому некогда так верил Бошняк и который так его жестоко обманул, вышвырнув из любимого флота. Сразу же на площади Бошняк был схвачен, связан и отправлен в ближайший дом для умалишенных, находившийся в селе Никольском. Но тут на помощь подоспел брат Н. К. Бошняка, Александр, который, узнав о случившемся, бросился в погоню и высвободил Николая Константиновича. Вместе они уехали в дом Александра Константиновича, в город Кострому.

Слух о происшедшем быстро распространился по округе. Вскоре стало известно, что церковь затевает целое дело против Николая Константиновича, обвиняя его в безбожии, крамоле и кощунстве. Николай Константинович, проживавший все это время у брата, в обстановке повседневной травли со стороны духовенства и царских чиновников, еще более уединялся и тем самым ухудшал своё душевное состояние.

Между тем церковные и царские чиновники добились своего. В скором времени последовало официальное распоряжение правительства о высылке Николая Константиновича Бошняка из Костромской губернии в город Астрахань. Александр Константинович, проводив брата, стал добиваться разрешения на выезд его для лечения за границу. Такое разрешение после длительной переписки было получено. Н. К. Бошняку был выдан паспорт, в котором говорилось: «Предъявитель сего Русско-подданный высланный, по распоряжению правительства, из Костром-

ской губернии на жительство в г. Астрахань, отставной капитан 2-го ранга Николай Константинович Бошняк, с разрешения Г. Министра Внутренних Дел, отправляется для излечения от болезни за границу — в Германию, Швейцарию, Францию, Англию и Италию и обратно в г. Астрахань, сроком на один год, — с воспрещением при этом Г. Бошняку въезда в Костромскую губернию».*

Уехав летом 1870 года за границу, Николай Константинович решил больше не возвращаться в Россию, где жизнь для него стала невозможной. Попутешествовав по Европе, Бошняк через некоторое время прибыл в Северную Италию, где в связи с дальнейшим ухудшением состояния здоровья был устроен в лечебницу для душевнобольных доктора Биффи в Милане, из которой ему уже не суждено было выйти, сначала по собственному нежеланию, а затем — по состоянию здоровья.

Александр Константинович Бошняк стал опекуном над долей принадлежащего Николаю Константиновичу наследства и ежегодно высылал на содержание своего больного брата до 1885 года 600 рублей, а с 1885 года — 800 рублей. К этой сумме прибавлялась пожизненная пенсия, данная Бошняку за Амурскую экспедицию и службу во флоте.

На эти средства далеко от родины, забытый и ненужный царскому правительству, доживал свой век сначала в лечебнице, а затем и в доме для умалишенных герой Амурской экспедиции капитан второго ранга в отставке Николай Константинович Бошняк. Директор Департамента внешних сношений МИД России, запрашивая чрезвычайного посланника и полномочного министра в Италии о том, жив ли Бошняк и в каком он находится положении, писал, что «эти сведения испрашиваются прежними

* Выписка из паспорта Николая Бошняка № 76, Архив б. МИД России «Посольство в Риме», д. № 968, л. 10.

сослуживцами г. Бошняка по флоту, в котором больной пользуется общим уважением и участием».*

Родственники Николая Константиновича дважды выезжали в Италию, чтобы навестить его.

Николай Константинович страдал манией преследования, жил уединенно в отдельном домике, из которого выходил очень редко. Чаще сидел у открытого окна, выходящего в сад, и более одного человека, исключая родственников, к себе не допускал. Больше всего он боялся подосланных убийц, все ждал, что царские чиновники найдут его и здесь. Больной считал, что его могут отравить и с этой целью держал при себе дегустатора пищи. В остальном он казался совершенно нормальным человеком. Персонал лечебницы сообщал, что он был всегда тих и ровен, много читал, выписывал все литературные и научные новинки из России, писал воспоминания, безвозвратно пропавшие.**

Умер Николай Константинович Бошняк там же, в доме для умалишенных доктора Биффи в Монце близ Милана 15(27) декабря 1899 года, в возрасте 69 лет, из которых более двадцати лет прошло в доме для умалишенных.

На могиле Н. К. Бошняка стоит скромный памятник, поставленный в 1903 году его родственниками.

Только в условиях царского режима, бюрократического произвола и тупого барского равнодушия могла так трагически кончиться жизнь одного из выдающихся людей России, талантливого исследователя и пламенного патриота.

Память о нем долгое время замалчивалась, также

* Архив б. МИД России, фонд «Посольство в Риме», д. 968, л. 2—3 отдел АВПР.

** Сведения о последних годах Н. К. Бошняка сообщены нам его двоюродными внуками Александром Константиновичем Бошняком и Наталией Николаевной Усольцевой.

впрочем, как и память о Невельском и других русских людях, совершивших подвиги во славу Отчизны, — но вопреки повелениям правительства.

* * *

Деятельность Амурской экспедиции под начальствованием Геннадия Ивановича Невельского в 1851—1855 годах в корне изменила положение на Дальнем Востоке. Отважные сподвижники Г. И. Невельского доказали доступность устья Амура и его лимана для плавания морских судов. Они установили, что Сахалин остров, а не полуостров. Русские морские офицеры, возглавляемые Г. И. Невельским, сделали «первый твердый и бесповоротный шаг к признанию Приамурского края русским».*

Вслед за действиями Амурской экспедиции между Россией и Китаем были заключены Айгунский и Пекинский трактаты, по которым устанавливалась существующая и поныне граница между обоими государствами.

Русское государство по праву стало владеть богатейшим краем, таящим в своих недрах неисчерпаемые богатства. Край развивался и рос. На Дальний Восток устремились тысячи переселенцев, привлеченных рассказами о его неиссякаемых богатствах.

Уже ко времени заключения Айгунского договора Николаевский пост превратился в город Николаевск, протянувшийся вдоль Амура почти на два километра. Одних частных домов, не считая казенных построек, насчитывалось в нем до двухсот. В городе было создано мореходное училище, в которое в 1858 году поступил будущий прославленный флотоводец и ученый Степан Осипович Макаров.

* Г. И. Невельской, стр. 363.

В царской России заслуги Невельского и его сподвижников долго замалчивались. Лишь спустя много лет после смерти Невельского была восстановлена правда.

По-настоящему деятельность славной Амурской экспедиции была оценена лишь при Советской власти, когда богатейший Дальневосточный край превратился в подлинную жемчужину Советского государства. О замечательном подвиге Геннадия Ивановича и его сотрудников написано немало книг, имена их украшают многие места карты Дальнего Востока, их заслуг не забыла благодарная Родина.

Советский народ, осуществляющий колоссальное строительство на Дальнем Востоке, помнит о первых пионерах края.

К сожалению, до настоящего времени, говоря об Амурской экспедиции, очень часто уделяют незаслуженно мало внимания ее участникам, непосредственным исполнителям планов Г. И. Невельского.

Самоотверженные подвиги Николая Константиновича Бошняка, Николая Матвеевича Чихачева, Дмитрия Ивановича Орлова, Григория Даниловича Разградского служат нам, советским людям, великим примером честного беззаветного служения Родине. Без их славных дел Невельскому невозможно было бы осуществить и доли того, что совершила Амурская экспедиция.

Несомненно и общепризнано, что одним из талантливейших сотрудников, непременным участником всех основных дел экспедиции на протяжении всей ее истории являлся Николай Константинович Бошняк. Значение работ Бошняка в Амурской экспедиции и его роль в ней велики.

Николай Константинович с полным правом считается первооткрывателем богатейших каменноугольных сахалинских месторождений.

Бошняк определил истоки рек Амгуни и Горина; ис-

следовал озера Чукчагирское и Эворон. Он доказал возможность плавания по реке Амгуни.

Лейтенант Бошняк был первым начальником Николаевского поста и его первым строителем. Он же основал Александровский пост в заливе Де-Кастри.

Талантливый этнограф, Бошняк оставил прекрасные наблюдения над жизнью малых народов Дальнего Востока.

Исследователь и гидрограф, Николай Константинович Бошняк повсюду, где бы он ни был, проводил наблюдения над приливами и отливами, над температурой воздуха и воды, наблюдал за вскрытием и замерзанием рек и бухт, производил промер глубин.

На всем побережье Татарского пролива до Императорской Гавани молодой географ Николай Бошняк исправил неточности карты Крузенштерна.

Наконец Бошняк открыл одну из лучших в мире гаваней, где советские люди создали новый город, — Советскую Гавань.

Сейчас Советская Гавань связана с краевым центром Хабаровском железной дорогой. В городе действует много промышленных предприятий, работают школы, клубы, библиотеки. Город Советская Гавань, благодаря постоянной заботе Коммунистической партии и Советского правительства, с каждым днем растет, хорошеет и благоустраивается. Трудящиеся Советской Гавани вместе со всем советским народом успешно строят коммунизм.

Изменилась и жизнь отсталых когда-то народов, среди которых путешествовал Бошняк. В область предания ушли голод и нищета, бесправие и невежество. Сейчас зажиточность и культура прочно вошли в быт колхозников-ульчей, колхозников-нивхов и других народов. Среди них за годы Советской власти выросла своя интеллигенция. Воспитанные Коммунистической партией, Советской властью в духе беззаветной преданности своей горячо

любимой Родине, давшей им счастливую жизнь, многие из представителей малых народов во время Великой Отечественной войны ушли на фронт и храбро сражались там с фашистскими захватчиками.

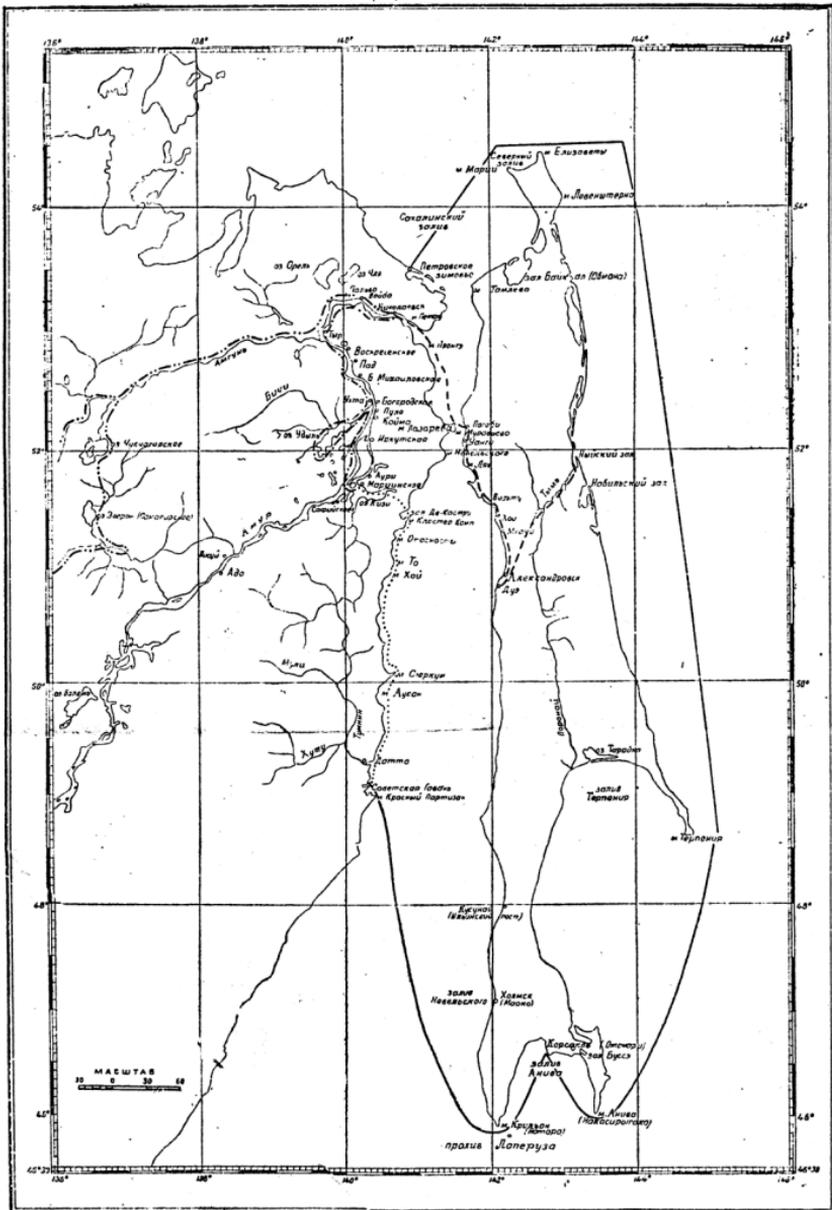
Трудящиеся Дальнего Востока чтут память первых его исследователей. Именем Николая Константиновича Бошняка назван остров на озере Кизи, поселок и мыс на острове Сахалине, улицы в городах Николаевске-на-Амуре и Советской Гавани.

В 1953 году трудящиеся Советской Гавани отметили историческую дату: столетие со дня открытия залива Советская Гавань русским военным моряком Николаем Константиновичем Бошняком.

Прекрасные качества русских моряков, их славные благородные традиции — скромность, отвагу, любовь к своей Отчизне, беззаветную верность ей — продолжают и приумножают моряки Советского Военно-Морского Флота. Могучий и славный военно-морской флот великой советской державы бдительно и надежно стоит на страже морских границ нашей Родины.

КАРТА ПОХОДОВ Н.К. БОШНЯКА.

Заложные обозначения:

- Сахалинский поход, Амурский поход.
- Сахалинский десант, Южный поход.
- Поход к северу Усурия и Усури.

